ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ

1 шк
1 полка
Герцен

—

КНИЖКА VII.

—

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1859.

Ішк.
Іпкика
Ирцен

БИБЛИОТЕКА
ЦИАЛИСТИЧ
АКАДЕМИИ

224848

ГРАФЪ В. П. ПАНИНЪ.

МИНИСТРЪ ЮСТИЦІИ.

—

O Altitudo!

Въ сочиненіи Кошихина о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича и во множествѣ актовъ того времени разкрывается передъ нами картина того безпорядка который господствовалъ въ русскомъ управленіи въ теченіи 17 столѣтія.

Съ тѣхъ поръ совершилась реформа Петра Великаго, мы вошли въ постоянный союзъ съ Европою; приняли отъ нея формы гражданскаго управленія, по ея примѣру ввели и развели у себя въ формальномъ отношеніи до послѣдней возможности начало централизаціи властей; съ тѣхъ поръ прошло полтораста лѣтъ, совершились великія историческія событія, умножились до безчисленности громкіе уроки науки и опыта. Казалось бы что картина да-

стоящаго управленія должна въ существенныхъ чертахъ своихъ разниться отъ мрачной картины Кошихинскаго періода: и точно, взглядываясь въ явленія настоящаго нашего общественнаго быта, мы замѣчаемъ прогрессъ, за который не можемъ не благодарить свою эпоху; во многомъ общественные обычаи наши измѣнились къ лучшему, личность гражданская получила нѣкоторыя гарантіи, которыхъ не имѣла прежде, нѣкоторыя злоупотребленія прежняго времени сдѣлались почти невозможными.

Но присматриваясь къ ходу нашей административной машины, мы съ грустію убѣждаемся что не далеко ушли отъ 17 столѣтія. Тридцатилѣтнее царствованіе Николая какъ будто отодвинуло насъ далѣе въ глубину минувшихъ вѣковъ. Въ эту скорбную эпоху для Россіи правительство ея по видимому рѣшилось отказаться отъ тѣхъ руководящихъ началъ, которыя прежніе монархи ставили во главу всей своей дѣятельности. Посмотрите на 18 столѣтіе: вы увидите какую-то юношескую, пылкую дѣятельность въ правительствѣ: оно смѣло и от-

кровенно обращается къ народу, оно живетъ еще идеями Петра, жадно стремится знать все, требуетъ просвѣщенія и для себя и для своего народа, оно еще не боится открыто назвать зло зломъ, а правду правдою; оно вызываетъ народъ къ дѣятельности и смотритъ еще на народъ не какъ на отвлеченное понятіе, а какъ на людей ввѣренныхъ его управленію, и на призывъ правительства дѣйствительно являются изъ среды народа живые дѣятели, съ которыми оно не прерываетъ прямаго непосредственнаго сообщенія.

Со всѣмъ въ иномъ видѣ является наше правительство во 2-й четверти 19-го столѣтія. Живое отношеніе его къ народу вовсе прерывается, и первое какъ будто становится для послѣдняго чѣмъ то чуждымъ и враждебнымъ, потому что по всюду чуветвуетъ онъ на себѣ только гнетущую, обирающую руку власти. "Власть безусловная и безотвѣтственная" въ этихъ словахъ выражается вся внутренняя политика Николаевскаго правленія: вотъ начало, которое онъ въ какомъ то сверхъ-естественномъ

ослѣпленіи поддерживалъ во чтобъ ни стало. Отсюда и это суровое отдаленіе отъ народа, въ которое поставила себя личность монарха,—и это отсутствіе всякаго человѣческаго сочувственнаго отношенія правительства къ народу, и это преслѣдованіе всякой идеи, всякой умственной и нравственной самостоятельности,—и постоянное стремленіе подвесть всякое явленіе духовной умственной жизни подъ уровень военной дисциплины, и это отреченіе отъ науки и просвѣщенія, котораго мы были, къ стыду народа и монархіи, свидѣтелями въ послѣдніе годы царствованія. Извѣстно что было плодомъ этой ужасной разрушительной системы: въ годъ смерти Николая, въ тяжкую эпоху Россіи, въ числѣ всѣхъ лицъ стоявшихъ во главѣ управленія не оказалось ни одного человѣка, на котораго смятенное отечество могло бы смотрѣть съ надеждою, отъ котораго могло бы ожидать спасительнаго руководства, спасительной дѣятельности; отечество видѣло только рабовъ и ласкателей окружавшихъ престолъ. Идея о патріотизмѣ, которую покойный госу-

дарь открыто стремился превратить въ понятіе о службѣ правительству, какъ будто вовсе изчезла изъ сознанія нашихъ правителей отъ мала до велика; служба государственная почти повсемѣстно—сдѣлалась службою—лицу Начальника, или службою маммону. Правители думали только о томъ какъ бы попасть въ милость къ царю или начальнику, какъ бы награбить и обогатиться: не многіе, очень не многіе имѣли еще ввиду пользу общественную; повсюду какъ нарочно, управленіе ввѣрено было людямъ неспособнымъ. Начальникъ могъ повелѣвать безпрекословно; а самымъ способнымъ къ начальству, по системѣ Николая, считался тотъ, кто не привыкъ разсуждать, а привыкъ повиноваться слѣпо и безпрекословно —не закону, не совѣсти—(и законъ и совѣсть слишкомъ близко касались опасной области идей), а волѣ Начальника. Нѣсколько любимцевъ, не имѣвшихъ понятія о законѣ и законности и не знавшихъ предѣла своему самовластію, захватили въ свои руки всю государственную власть въ Россіи. Подъ личиною пре-

данности престолу, и не думая объ отечествѣ, которое давно отъ себя отдѣлили, эти люди систематически запирали дорогу всякой здравой мысли, всякой правдѣ, которая отыскивала себѣ путь къ престолу, систематически обманывали государя, прервавъ навсегда непосредственное отношеніе его къ дѣламъ и къ народу, и все управленіе превратили въ мертвый механизмъ, для котораго живой человѣкъ не значитъ ничего, но вся цѣль состоитъ въ бумажной очисткѣ и бумажномъ исполненіи. Естественно, что въ такомъ положеніи всякое проявленіе какой бы то ни было самостоятельности казалось возмущеніемъ противу властей; всякое возраженіе противу сильнаго произвола, основанное на законѣ, почиталось за вѣрный признакъ человѣка безпокойнаго и не способнаго къ службѣ; свободное сужденіе о лицахъ, беззаконно присвоившихъ себѣ сущность самодержавной власти, представлялось оскорбленіемъ величества. Тьма все гуще и безотраднѣе ложилась на Россію, и движеніе мысли, обнаруженіе истины, сдѣлалось почти невозможно.

Съ кончиною Николая желѣзная рука властителя опустилась и лучи свѣта начали мало по малу проникать сквозь тьму невѣденія. Какъ малыя дѣти обрадовались мы этому неожиданному явленію, давно не испытанному въ Россіи; какъ малыя дѣти начавъ дышать нѣсколько свободнѣе, вообразили мы, что настаетъ новый вѣкъ благоденствія и благодѣтельныхъ перемѣнъ во всемъ нашемъ общественномъ бытѣ. Послѣдствія показали что радостныя ожиданія были преждевременны. Появившійся свѣтъ только ярче озарилъ передъ нами бѣдственную картину современнаго положенія Россіи. Отвсюду поднялись громкіе вопли о злоупотребленіяхъ и насиліяхъ, о грабительствѣ чиновниковъ, о мертвенной обрядности въ управленіи; но чѣмъ громче становятся эти крики, чѣмъ болѣе выставляется поразительныхъ явленій зла, тѣмъ слабѣе дѣлаются надежды, возбужденныя перемѣною правительства, тѣмъ ощутительнѣе становится недостатокъ средствъ къ исцѣленію нашихъ внутреннихъ болѣзней.

Правда что Александръ II съ первыхъ дней царствованія показалъ въ себѣ образъ человѣка съ сердцемъ: покуда былъ наслѣдникомъ, онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но многіе обязаны были ему облегченіемъ своей участи; сдѣлавшись Русскимъ царемъ,—онъ первый отворилъ намъ дверь для свѣту и для воздуха, которыхъ насъ такъ долго лишали. Но какъ бы ни были благодѣтельны намѣренія новаго царя нашего, — потребна геркулесова ловкость и сила, чтобы очистить весь соръ копившійся у насъ въ теченіи 30 лѣтъ. Для того чтобъ истребить зло, надобно распознать его въ самой сущности; — но какая же есть возможность истинѣ, въ настоящемъ положеніи, проникнуть въ царское сознаніе сквозь тѣсный рядъ старыхъ Николаевскихъ совѣтниковъ, по прежнему окружающихъ престолъ? Потребны люди способные, а могутъ ли они явиться покуда господствуетъ еще во всей силѣ застарѣлый служебный формализмъ, покуда въ служебныхъ отношеніяхъ живая идея не замѣнила еще безжизненнаго обряда и мертвой буквы?

То состояніе, въ которомъ находится у насъ управленіе въ настоящую минуту, всего приличнѣе назвать *организованною анархіей.* Власть щедрою рукою разсыпана у насъ повсюду; отъ министра до будочника—на каждомъ шагу встрѣчается лицо облеченное всею неприкосновенностію власти. Всѣ эти власти повидимому тяготѣютъ одна къ другой, распредѣлены въ строгомъ порядкѣ по разнымъ вѣдомствамъ и поддерживаются соблюденіемъ служебной дисциплины. Но въ дѣйствіи всѣхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ не замѣчаемъ того что составляетъ существенную принадлежность власти правильно организованной: единства и послѣдовательности. Центральными мѣстами управленія служатъ у насъ министерства, и министры стоящіе во главѣ ихъ облечены дѣйствительно почти безграничною властью. Но въ этомъ самомъ положеніи министровъ и коренится главная причина того страшнаго безвластія, которое распространилось по всей Россіи. Начало министерское въ томъ видѣ въ какомъ оно у насъ принято, есть начало

личнаго управленія, и въ этомъ отношеніи принявъ новую форму, мы остались въ сущности почти на той же точкѣ, на которой стояли въ 17 столѣтіи. Каждый министръ заботится прежде всего о томъ, чтобъ ему дѣйствовать особнякомъ, независимо отъ всѣхъ другихъ министровъ и какъ можно самовластнѣе. Каждый видитъ въ себѣ полнѣйшее отраженіе самодержавной власти и считаетъ себя безотвѣтственнымъ ея представителемъ: если законъ стѣсняетъ его, онъ не стѣсняется закономъ и, когда нужно высказаться, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти прикрываетъ себя авторитетомъ "Высочайшаго повелѣнія," которое отъ него же зависитъ, потому что Высочайшая власть съ нимъ только имѣетъ дѣло непосредственно. По этому вся политика осторожнаго министра состоитъ въ томъ, чтобъ избѣжать столкновенія съ другимъ сильнымъ лицемъ тоже имѣющимъ непосредственное сношеніе съ Монархомъ, или забѣжать своему товарищу съ "Высочайшимъ повелѣніемъ" котораго тотъ не могъ предвидѣть или предупредить другимъ Высочайшимъ

повелѣніемъ. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда не предстоитъ никакой надобности оглашать распоряженіе, или не предстоитъ никакой опасности столкновенія,—можно себѣ представить какое обширное поприще представляется самовластію, особливо если оно, какъ по большей части случается, безстыдно вѣруетъ въ свою законность. Если Министръ дѣятеленъ, бѣда государству, бѣда дѣламъ и лицамъ отъ его фантазій; если онъ лѣнивъ,—бѣда отъ фантазій вольныхъ и невольныхъ—Директоровъ и Канцеляріи. Такимъ образомъ государственная колесница двигается то въ ту, то въ другую сторону, смотря потому какому коню вздумается надъ нею потрудиться; некому поправить ее, некому держать въ равновѣсіи движущія силы, потому что Императорская власть, при нынѣшнемъ развитіи Министерской, сдѣлалась миѳомъ, не имѣющимъ существеннаго значенія. Государь ввѣряетъ власть свою Министрамъ, все что знаетъ, знаетъ отъ нихъ и покрываетъ всѣ ихъ дѣйствія своимъ именемъ! Не такъ бывало прежде, при Петрѣ,

при Екатеринѣ,—но преемники ихъ къ несчастію пожертвовали отвлеченной пустой идеѣ власти всѣмъ существомъ ея... Гибельно было для Россіи такое пожертвованіе: крѣпко держась прежнихъ привычекъ она продолжаетъ еще смотрѣть на государя какъ на единственную защиту отъ притѣснителей; но народъ отстаетъ и отъ вѣковыхъ мнѣній, когда онѣ въ явномъ разладѣ съ дѣйствительностію, и если существующая пагубная система не измѣнится, придетъ время, когда по милости деспотовъ, окружающихъ престолъ, народъ будетъ видѣть и въ царѣ только безличный грозный образъ какой то чуждой власти.

И такъ—*единой* власти, которая руководила бы Министрами, нѣтъ у насъ. Они сходятся для совѣщанія въ комитетѣ, въ государственномъ совѣтѣ,—но здѣсь они совѣщаются о своихъ же мѣрахъ, или сами, или совокупно съ лицами, которые имѣютъ интересы и взгляды болѣе или менѣе сходные съ ихъ интересами и взглядами, и состоятъ въ подобныхъ же отношеніяхъ къ лицу монарха. Каждый изъ

членовъ Собранія имѣетъ нужду въ другомъ, а потому не трудно имъ согласиться на общихъ основаніяхъ. При томъ и Совѣтъ и Комитетъ —мѣста чисто совѣщательныя: положенія ихъ получаютъ силу по Высочайшему повелѣнію, а государь по необходимости долженъ основываться на томъ, что представятъ ему оффиціально кабинетные его совѣтники.

Министръ единая особа, а въ "единой особѣ —сказалъ Петръ,—не безъ страсти бываетъ." Прибавимъ: особенно когда власть ея не знаетъ предѣловъ. А на министра—de facto—жаловаться некому; законъ (259 ст. учр. мин.) допускаетъ жалобы непосредственно Императорскому Величеству приносимыя. Но кажется опытъ вѣковъ и поколѣній удостовѣряетъ, что отъ кабинетной юстиціи нельзя ожидать удовлетворенія. Куда поступаетъ жалоба на министра прежде чѣмъ дойдетъ до Высочайшаго усмотрѣнія въ коммисію прошеній, гдѣ начальствуетъ лицо стоящее наряду съ министрами, и въ непосредственныхъ съ ними сношеніяхъ? Можно ли ожидать, чтобы лицо это, со всѣми

приданными въ помощь ему членами осмѣлилось безбоязненно подвергнуть критикѣ дѣйствія министра, особливо такого, который состоитъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ государемъ. Насилія Клейнмихеля были безчисленны, законъ нарушался имъ безпрерывно, но развѣ могла во время его могущества получить ходъ жалоба на него принесенная? Можно ли ожидать самостоятельнаго мнѣнія отъ членовъ, когда одинъ только Статсъ-Секретарь докладываетъ государю о заключеніяхъ коммисіи? Что онъ докладываетъ ему неизвѣстно никому кромѣ его и Государя, но извѣстно что самому важному дѣлу, если оно докладывается съ глазу на глазъ, докладчикъ можетъ дать видъ дѣла незаслуживающаго вниманія, и дѣйствительно, мы не знаемъ примѣра чтобы по жалобѣ поступившей въ коммисію прошеній когда либо возбуждена была серьезная отвѣтственность министра. Наконецъ не въ рукахъ ли самаго министра находятся всѣ тѣ данныя по которымъ коммисія должна судить объ его дѣйствіяхъ: онъ доставляетъ ей объясненіе по

принесенной жалобѣ, и это объясненіе конечно не предъявляется обиженному принесшему жалобу. Намъ извѣстны случаи, въ которыхъ министръ, давая объясненіе, умалчивалъ о главномъ предметѣ жалобы, а упоминалъ только о второстепенныхъ и незначительныхъ обстоятельствахъ, и такому объясненію предшествуетъ обыкновенно въ деликатныхъ случаяхъ словесное объясненіе между довѣренными чиновниками коммисіи и канцеляріи министра. Результатомъ бываетъ заключеніе коммисіи вовсе умалчивающее о главномъ предметѣ жалобы, или еще проще—просителю объявляется что жалоба его отослана для удовлетворенія къ тому же лицу, на дѣйствія котораго была принесена, при томъ заключеніе коммисіи въ большинствѣ случаевъ, когда члены ея лично не заинтересованы въ дѣлѣ, составляется обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, то есть по мнѣнію канцеляріи, такъ что въ обыкновенныхъ дѣлахъ участь просителя находится въ рукахъ у производителей, или у ихъ помощниковъ. Однимъ словомъ, ни одинъ ми-

нистръ въ настоящемъ положеніи не имѣетъ повода опасаться за послѣдствія своего распоряженія какъ бы ни было оно противузаконно и насильственно, если только это распоряженіе относится къ частному лицу, которое по личному вліянію своему не имѣетъ средствъ найти себѣ защиту.

Тамъ гдѣ, какъ у насъ, общественное мнѣніе вовсе неорганизовано и почти не имѣетъ силы, такое безотвѣтственное положеніе 10-ти или болѣе самовластныхъ центральныхъ правителей, есть само по себѣ зло великое, источникъ великихъ бѣдствій для Россіи. Но всего бѣдственнѣе то, что таже безотвѣтственность въ большей или меньшей степени распространяется на всѣ органы управленія, подчиненные вліянію министровъ. И это весьма естественно. Отвѣтственность тогда только можетъ быть дѣйсвительна, когда возникаетъ не изъ случайнаго столкновенія личностей, не вслѣдствіе личной прихоти или личнаго временнаго взгляда, когда въ основаніи ея лежитъ не произволъ, а примѣненіе разумнаго начала, постоянное,

послѣдовательно вѣрное себѣ, утвержденное на законѣ. Такое примѣненіе возможно только при правильномъ и безпристрастномъ обсужденіи дѣйствія подлежащаго отвѣтственности, а можно ли надѣяться такого обсужденія отъ единой особы, въ которой, повторяемъ, не безъ страсти бываетъ. Отвѣтственность чиновника тогда только служитъ надежнымъ обузданіемъ его произвола, когда представляется неизбѣжною, когда ни одно нарушеніе правъ допущенное имъ не остается безъ взысканія, какъ скоро доходитъ до разсмотрѣнія высшей власти, когда никто не можетъ съ полною вѣроятностію разсчитывать на безнаказанность. Безъ такой отвѣтственности не возможно и ожидать въ органахъ правительства уваженія къ закону и къ правамъ частныхъ лицъ на законѣ основаннымъ. Такого результата невозможно достигнуть при помощи одного только личнаго управленія, въ коемъ всѣ лица, составляющія правительственную лѣстницу, тѣсно связаны другъ съ другомъ, зависятъ другъ отъ друга, другъ на друга смотрятъ и другъ съ другомъ

соображаются, въ которомъ каждый начальникъ облекается въ званіе судьи надъ своимъ подчиненнымъ, милуя и наказывая кого хочетъ, а каждый подчиненный относится къ начальнику какъ къ единственной грозѣ своей и своей защитѣ. Очевидно что здѣсь начальникъ превратившійся въ судью и подчиненный сдѣлавшійся его подсудимымъ, связаны интересомъ одной корпораціи. Всякая отвѣтственность будетъ пустымъ звукомъ, случайнымъ явленіемъ, если нѣтъ въ Государствѣ органа отдѣльнаго отъ прочихъ частей управленія, составленнаго изъ людей вполнѣ отъ него независимыхъ по своему положенію, который имѣлъ бы право и обязанность наблюдать за исполненіемъ законовъ, и полную власть немедленно подвергать всѣхъ членовъ управленія отвѣтственности за нарушеніе закона.

Такъ учитъ наука государственнаго права, на основаніи вѣковаго опыта, такъ судили и мудрые законодатели Россіи—Петръ и Екатерина. Петръ положилъ и у насъ начало учрежденію, которое долженствовало бы утвердить

въ Россіи на прочныхъ основаніяхъ дѣйствіе закона, если бы мысль великаго монарха была ясно понята и сохранена свято. Но въ числѣ многихъ другихъ началъ завѣщанныхъ Россіи Петромъ и это благодѣтельное начало предано забвенію въ 19-мъ вѣкѣ. Заботясь только объ огражденіи своего личнаго произвола, о неприкосновенности своей власти, Русскіе министры мало по малу захватили въ свои руки и раздѣлили между собою полюбовно все управленіе. *Сенатъ* оставался еще единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ можно было надѣяться на обнаруженіе истины посредствомъ свободнаго коллегіальнаго обсужденія, мѣстомъ которое *по праву* одно только могло сказать министру: *лжешь!* могло обвинить его и имѣло власть подвергнуть отвѣтственности всякаго нарушителя законовъ въ Имперіи. Хитрой политикѣ министровъ удалось наконецъ лишить сенатъ на дѣлѣ этой благодѣтельной власти, превратить его сначала въ собраніе нарочно составленное изъ людей завѣдомо не способныхъ и робкихъ, говорящихъ устами

канцеляріи. ничего безъ нея неумѣющихъ, и наконецъ въ военную богадѣльню. Не трудно было имъ внушить императору Николаю, ослѣпленному вѣрою въ свое величіе, потерявшему никакой самостоятельности въ мнѣніи, нелѣпое подозрѣніе что власть сената можетъ сдѣлаться властію политическою, опасною для его власти; не трудно было государя, питавшаго отвращеніе отъ всякой корпораціи, убѣдить что власть правительственная должна принадлежать только физической власти. Теперь кажется министры достигли своей цѣли: сплошною стѣною, крѣпко держась другъ за друга, стали они между государемъ и его народомъ, — систематически покрывая своею властью всѣ злоупотребленія низшихъ властей, систематически закрывая правдѣ путь къ престолу. Права сената великолѣпно красуются еще въ первомъ томѣ свода законовъ, но власть его надъ подчиненными мѣстами давно уже не существуетъ; а нравственный авторитетъ, столь долго служившій обузданіемъ обидчиковъ и надеждою обижаемыхъ въ отдаленнѣйшихъ

углахъ Россіи, не поддерживаемый, ни личными качествами членовъ его, ни матеріяльною силою власти, готовъ уже совершенно разрушиться. Въ этой бездѣйственности, въ этой зависимости центральнаго органа, обязаннаго наблюдать за исполненіемъ законовъ,—вотъ въ чемъ по всей справедливости заключается главная причина зла, которое мы почитаемъ существеннымъ въ Русскомъ управленіи, того состоянія, которое мы въ началѣ статьи назвали организованною анархіей. Того, кому показалось бы парадоксальнымъ это выраженіе, мы спросимъ: какъ же иначе назвать состояніе, въ которомъ одна власть систематически поддерживаетъ другую, каждая, не справляясь съ закономъ, распоряжается по произволу и можетъ со всею вѣроятностію разсчитывать на безнаказанность? Вся забота чиновниковъ состоитъ въ томъ, чтобы "очистить себя на бумагѣ," да и эта бумажная очистка не всегда считается необходимостью, потому что понятіе объ отвѣтственности на дѣлѣ ни съ чѣмъ въ особенности не связано; оно носится въ возду-

хѣ, готовое ниспасть на голову—виновную, или невинную по произволу начальника; а подчиненному предоставляется разсчитывать вѣроятность взысканія потому каковъ начальникъ: уменъ или глупъ, лѣнивъ или дѣятеленъ, входящъ или невходящъ въ дѣла, свѣдущъ въ нихъ или не опытенъ и т. под. Понятно что успѣвъ примѣниться къ начальнику, прислужиться ему, угодить ему,—еще лучше, успѣвъ сдѣлаться для него необходимымъ,—подчиненный можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности. Съ другой стороны человѣкъ неповинный не можетъ быть вполнѣ удостовѣренъ въ томъ, что ему отвѣчать не за что. Тысяча формальностей, весьма часто вовсе не исполнимыхъ, которыми запутано у насъ производство, даютъ начальнику во всякое время готовый предлогъ обвинить подчиненнаго въ чемъ угодно. Оттого законное правило: всякій отвѣчаетъ за вину свою и никто не отвѣчаетъ за вину другаго,—на дѣлѣ замѣняется у насъ другимъ правиломъ, которое вошло уже у чиновниковъ въ пословицу: ни-

кто не отвѣчаетъ за вину свою и всякій можетъ отвѣчать за вину другаго.

Всякій, кому случалось, не имѣя связей въ губернскомъ управленіи, имѣть дѣла и ходатайствовать по нимъ (а кому не приходилось имѣть дѣла—въ Россіи?) безъ сомнѣнія испыталъ на дѣлѣ истину вышесказаннаго. Отъ чего напримѣръ, тянутся до безкопечности дѣла о взысканіи по заемнымъ письмамъ? Отъ чего долговой докумѣнтъ не рѣдко по нѣскольку лѣтъ остается безъ предъявленія отвѣтчику, спокойно переѣзжающему изъ деревни въ деревню? Отъ чего должникъ, не желающій платить, можетъ съ удобностью протянуть на десятокъ лѣтъ дѣло о взысканіи, и потомъ самое взысканіе отсрочить на неопредѣленное время? Отъ чего несчастный крестьянинъ въ теченіи нѣсколькихъ дней не можетъ иногда добиться чтобы приняли отъ него подушныя въ казначействѣ? Отъ чего по частной жалобѣ въ дѣлѣ, не терпящемъ отлагательства,—объясненіе нисшаго мѣста не доставляется высшему въ теченіи полугода, года, иногда нѣсколь-

кихъ годовъ? Отъ чего слѣдователь, разтягивая слѣдствіе на неопредѣленное время, оканчиваетъ его, не спросивъ тѣхъ людей, которыхъ показанія были всего важнѣе, и тѣмъ не рѣдко навсегда закрываетъ истину? Отъ чего частный приставъ произвольно беретъ подъ стражу людей и держитъ ихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ секретной, не объявляя причины ареста? Отъ чего самыя благодѣтельныя постановленія закона, имѣющія цѣлію оградить личность гражданина отъ насилій, и угрожающія нарушителю строгимъ наказаніемъ, давно превратились у насъ въ мертвую букву безъ значенія и силы? Вопросы эти можно умножить до безконечности, и всегда главною причиною беззаконія, не перестающаго повторяться, будетъ именно то, что нарушители закона почти никогда не подвергаются отвѣтственности и потому почти никогда ея не опасаются. Нельзя же серьезно назвать отвѣтственностію замѣчаніе или выговоръ, который послѣ продолжительныхъ объясненій сдѣлаетъ виновнымъ губернское правленіе или начальника губерніи

по жалобѣ или сообщенію мѣста, котораго распоряженіе исполнялось.

Чѣмъ выше станемъ поднимать ея въ сферу управленія, тѣмъ призрачнѣе оказывается отвѣтственность правителей! Напримѣръ, почти повсемѣстно видимъ неспособныхъ губернаторовъ, дозволяющихъ себѣ ежедневно открытыя насилія и нарушенія закона, по всей губерніи поднимается крикъ, подаются сотни жалобъ и протестовъ, требуются объясненія, но часто ли случается слышать, что губернаторъ подвергнутъ серьезной отвѣтственности за явное насиліе, обыкновеннымъ порядкомъ, властью установленною для разбора жалобъ? Почти никогда. За то слышишь безпрестанно, что прокурора уволили или перевели на другой конецъ Россіи за то, что онъ не въ ладу съ губернаторомъ; дѣйствія губернаторовъ нерѣдко уничтожаются сенатомъ; но взысканія сенатъ не дѣлаетъ никакого, потому что самъ собою не вправѣ наложить его: не всегда же стоитъ, изъ за какого нибудь выговора или поставленія на видъ, представлять докладъ чрезъ

комитетъ министровъ. Иногда губернаторы подвергаются взысканію черезъ министра внут. дѣлъ и взысканіе это состоитъ по большей части въ томъ, что губернатора переводятъ въ другую губернію, или назначаютъ сенаторомъ. Если же сказано въ указѣ всемилостивѣйше уволить отъ службы,—то безъ сомнѣнія губернаторъ былъ или вовсе глупъ, или поспорилъ съ генералъ-губернаторомъ, или не покорился Гвоздеву,* или не оказалъ должнаго почтенія какому нибудь лицу въ родѣ Клейнмихеля, проѣзжавшему его губерніей. Рѣдко случалось, что беззаконія губернатора, сдѣлавшіяся уже слишкомъ гласными, были дѣйствительной причиной его увольненія. Всѣ эти мѣры объявляются внезапно, безъ означенія причинъ, указы какъ будто спадаютъ съ неба, и замѣчательно что въ каждомъ непремѣнно помѣщено всемилостивѣйшее слово.** Стыдится ли правительство

* Директоръ департамента общихъ дѣлъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

** Не рѣдко даже награждаются; такъ Назимовъ представилъ къ ордену коменданта Вильны, чтобъ поправить его въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ онъ упалъ послѣ гнуснаго опыта обезчестить порядочную женщину.

всенародно, на поученіе всѣмъ, поддержать силу закона, назвать зло зломъ а правду правдою? Къ сожалѣнію въ отношеніи къ высшимъ чинамъ управленія—всякая мысль о поддержаніи силы закона поглощается у насъ пагубною мыслью о томъ что надобно прежде всего поддерживать власть! Какъ будто власть унижается отъ того, что одинъ изъ ея представителей, обличенъ въ нарушеніи закона! какъ будто можно скрыть отъ народа ежедневно въ глазахъ у всѣхъ совершающіяся насилія и беззаконія! Какъ будто не въ тысячу разъ болѣе правительство теряетъ въ народномъ мнѣніи отъ того что скрываетъ дѣйствіе своего правосудія! Неужели опасно было бы показать народу, что правительство не глухо къ его жалобамъ, что оно мститъ за его обиду и что законъ въ исполненіи не остается мертвою буквою? Нѣтъ, этого не допускаетъ лицемѣрная система, въ силу которой народъ всегда предполагается благоденствующимъ, а правители его всѣ безъ исключенія мудрыми.

Говорить ли дольше о томъ, чего не хотятъ знать многіе правители и что слишкомъ извѣстно частнымъ лицамъ? Извѣстно напримѣръ, что въ силу той же лицемѣрной системы —у насъ возведена чуть ли не въ степень догмата безотвѣтственность не только высшихъ но и нисшихъ чиновъ полиціи, тогда какъ съ другой стороны одно слово полиція въ мнѣніи народа и на самомъ дѣлѣ стало синонимомъ отъявленнаго грабежа, взяточничества, насилія и всякаго беззаконія. Эта безотвѣтственность полиціи особенно поддерживается тамъ гдѣ надъ нею имѣетъ власть не губ. правленіе (мѣсто полуколлегіальное) а генералъ губернаторъ. Здѣсь на полицію почти уже невозможно получить управу, потому что личное управленіе является во всей своей силѣ. Генер. губернаторъ видитъ въ оберъполицмейстерѣ отраженіе своей личности а этотъ послѣдній стоитъ уже, какъ за самого себя, за частнаго пристава и квартальнаго, которыхъ не совѣстится наединѣ осыпать площадною бранью, за городо-

ваго и будочника, которыхъ бьетъ собственноручно.*

Только недобросовѣстный умъ можетъ еще спорить противъ того, что описываемое нами состояніе не вѣрно: всѣ люди благородно мыслящіе и желающіе добра не себѣ только, а своему отечеству, согласятся что тутъ великое зло и что необходимо искать средствъ къ его исправленію. Средства могутъ быть предлагаемы различныя, смотря потому что будетъ имѣть въ виду каждый разсуждающій о дѣлѣ. Многіе, углубляясь въ отдаленнѣйшія причины зла, будутъ имѣть въ виду радикальное его исцѣленіе, предложатъ проекты имѣющіе цѣлію преобразованіе цѣлаго управленія, перемѣны въ цѣломъ общественномъ бытѣ. Подобные совѣты стольже мало соотвѣтствовали бы нашей насущной потребности какъ мало соотвѣтствовали бы одни сухія наставленія потребности человѣка умирающаго отъ голоду, у котораго нѣтъ ни хлѣба, ни угла,

* Какъ это дѣлывалъ Берингъ и блаженной памяти Цинскій.

ни одежды, ни случая къ насущной дѣятельности. Въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, разсужденія объ отдаленныхъ причинахъ нашихъ бѣдствій, о преобразованіяхъ радикальныхъ необходимы безъ сомнѣнія; но имѣя въ виду отдаленное благо, увлекаясь общими идеями, не упустимъ изъ виду ближайшихъ частныхъ невыгодъ. Можетъ быть средство къ устраненію ихъ у насъ подъ рукою. Въ ожиданіи учрежденій совершеннѣйшихъ, постараемся дать свободный ходъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя у насъ есть: это несравненно легче сдѣлать чѣмъ замѣнить новымъ прежнее уже испытанное на дѣлѣ.

Публичнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, о гласности мы смѣемъ только мечтать и богъ вѣсть когда ея дождемся; мы видимъ, что—едва только разсужденія о гласности начинаютъ выходить изъ области идей и приближаться къ дѣлу,— какъ поднимаются изъ высшей сферы управленія крики о томъ, что Государство въ опасности и что пора прекратить соблазнительныя рѣчи. Пока мы разсуждаемъ о публичности,—всякое

дѣло еще разсматривается у насъ въ тайнѣ, покуда мы изъискиваемъ способы доставить правосудіе всѣмъ и каждому, — у насъ нѣтъ *никакаго* правосудія. Настоятельная потребность гражданскаго общества состоитъ въ томъ, чтобы обиженный могъ найти себѣ обыкновеннымъ порядкомъ защиту отъ произвола, чтобы нарушитель закона не оставался безъ отвѣтственности. Тамъ гдѣ эта настоятельная потребность не удовлетворяется, гражданской порядокъ не имѣетъ твердаго основанія, невозможно успѣшное развитіе экономическихъ силъ и утвержденіе общественнаго кредита,— потому что не обезпечена ни собственность, ни личность гражданина; невозможно и успѣшное развитіе нравственныхъ силъ, потому что чувство правды на каждомъ шагу оскорбляется и понятія о справедливости болѣе и болѣе темнѣютъ и спутываются въ народномъ сознаніи. Такое состояніе не можетъ держаться на одной степени: зло по природѣ своей стремится къ развитію и развивается до безконечности, если не встрѣчаетъ уравновѣши-

вающаго противудѣйствія разумной и доброй силы. То состояніе, въ которымъ мы находимся, если продолжится долѣе можетъ привесть насъ къ положенію безвыходному, къ полному разложенію всѣхъ элементовъ, на которыхъ зиждется гражданское общество.

Какое же найти ближайшее средство, — неговоримъ къ водворенію правосудія и законности въ Россіи, потому что для этого потребны прежде всего время, за тѣмъ новые люди и новыя учрежденія,—но покрайней мѣрѣ къ *исправленію* той оффиціяльной неправды, въ которой мы живемъ и двигаемся? Какимъ способомъ можно дать единство разнообразному и безпорядочному нашему управленію? Какъ достигнуть по крайней мѣрѣ того, чтобы нарушитель закона, не смотря ни на какую личную защиту, *боялся* отвѣственности за свое беззаконіе?

Ближайшимъ для сего средствомъ мы почитаемъ верховную коллегію, въ которой сосредоточивалось бы постоянное наблюденіе за охраненіемъ закона въ цѣломъ государств

составленную изъ людей не принадлежащихъ ни къ какому министерству или управленію и поставленныхъ въ положеніе матеріально и нравственно независимое, коллегію, которой ни одно лицо въ имперіи, кромѣ государя, не могло бы почитать себя не подчиненнымъ и неподвѣдомымъ, которая могла бы на всѣхъ и каждаго принимать жалобу, отъ всѣхъ и каждаго требовать отвѣта. Для того, чтобъ устроить такое мѣсто, не требуется въ настоящую минуту никакого преобразованія въ Государственныхъ учрежденіяхъ; стоитъ только вывесть сенатъ изъ того униженія, въ которомъ онъ нынѣ находится, очистить его отъ неспособныхъ и недостойныхъ судей, которыми онъ наполненъ; не нужно писать новыхъ законовъ; стоитъ только понять и примѣнить къ дѣлу учрежденіе существующее, воспользоваться тѣмъ что есть.

Въ настоящемъ своемъ положеніи сенатъ всего менѣе способенъ удовлетворить той цѣли, которая для него назначена закономъ. Онъ лишенъ почти всякой власти, кромѣ власти

рѣшать дѣла, да посылать указы къ министрамъ и къ лицамъ и мѣстамъ губернскаго управленія. Но указы его потеряли свое значеніе, ихъ не слушаютъ и не исполняютъ, надъ ними смѣются. Министры, подписывая донесенія сенату, знаютъ, что подчиненіе ихъ сенату пустая форма, и не ждутъ никакаго разрѣшенія, никакихъ указаній отъ того мѣста, членовъ котораго сами они выбрали изъ старыхъ, неспособнѣйшихъ чиновниковъ своего управленія; губернаторы знаютъ что сенатъ не имѣетъ надъ ними никакой власти; губ. Правленія безнаказанно пренебрегаютъ его предписаніями, судебныя палаты совершаютъ беззаконія, подъ его покровомъ. Всѣ смѣются надъ сенатомъ, но всѣ смѣются отъ того именно, что надъ нимъ насмѣялось, его унизило, себя отдѣлило отъ него—то самое лицо, которое по учрежденію долженствовало-бы стоять нераздѣльно съ сенатомъ и быть первымъ блюстителемъ сенатской власти— Генералъ прокуроръ, министръ Юстиціи, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.—

Личность Панина принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ личностей минувшаго царствованія. Только при Николаѣ, "только въ эту" годину и область темную могъ явиться на сцену и стать главнымъ дѣятелемъ такой человѣкъ тьмы! Скажемъ болѣе, ни въ одномъ изъ всѣхъ людей, вызванныхъ Николаемъ къ государственной дѣятельности, мы не видимъ такого полнаго яркаго воплощенія николаевской системы, какъ въ графѣ Панинѣ: въ лицѣ его система эта доведена уже до крайней точки, до нелѣпости, до сумашествія: кажется самъ покойный императоръ еслибъ могъ въ лицѣ гр. Панина узнать ясныя черты своей государственной системы, ужаснулся бы ея и отрекся бы отъ нея: такъ очевидно въ этихъ чертахъ отсутствіе всего человѣческаго, всего разумнаго и справедливаго. Въ Клейнмихелѣ увидѣла Россія съ перваго раза воплощеніе грубой матерьяльной силы насилія и беззаконія: это былъ скорѣе ненавистный фактъ, нежели ненавистная личность; это было какое то грозное явленіе природы, разрушительно пронес-

шееся надъ Россіей. Но въ графѣ Панинѣ явилось передъ нами самое начало разрушенія, представилась цѣлая система тяготѣющая надъ Россіей, система насилія сознательнаго личнаго произвола, оффиціальной лжи, лицемѣрія возведеннаго въ догматъ, система тѣмъ болѣе губительная, что здѣсь она примѣняется къ самой важной и существенной части государственнаго управленія—къ правосудію. Долго скрывалась личность Панина за бюрократической оградой, за массою ордеровъ, докладовъ и всякаго рода канцелярскихъ бумагъ неизвѣстныхъ публикѣ; но тайна мало по малу стала обнаруживаться: съ тѣхъ поръ какъ началъ проникать со всѣхъ сторонъ свѣтъ въ Россію по смерти Николая и со всѣхъ сторонъ явилось живое стремленіе къ свѣту, всѣ начали понимать какую роль играетъ министръ юстиціи въ старой системѣ противодѣйствія всякому свѣту, подъ предлогомъ охраненія власти и порядка. Въ настоящую минуту можно сказать утвердительно, что не на одномъ лицѣ не сосредоточивается съ та-

кимъ единодушіемъ общественная ненависть въ Россіи какъ на гр. Панинѣ: ненависть дворянства, ненависть чиновниковъ всѣхъ министерствъ, а въ особенности министерства юстиціи; ненависть тѣхъ кого онъ гонитъ, ненависть, тѣхъ кого покровительствуетъ, ненависть всѣхъ людей, которые никогда не видали его, но отвсюду объ немъ слышатъ, ненависть всѣхъ тѣхъ, которые, приближаясь къ нему, утратили почти всякое чувство собственнаго достоинства. Говоря по правдѣ, онъ достоинъ не ненависти а сожалѣнья: ненависть должна пасть на систему, вслѣдствіе которой сдѣлался возможнымъ такой министръ юстиціи. Разсказы объ немъ распространены по всей Россіи; анекдоты о честной жизни его и объ оффиціальныхъ отношеніяхъ служатъ ежедневною забавой для высшаго и средняго круга въ столичномъ обществѣ; всюду и каждый день имя Панина поминается недобрымъ словомъ. Являясь передъ публикой то тираномъ и гасильникомъ свѣта, то какимъ то полишинелемъ, то просто умалишеннымъ,

онъ возбуждаетъ попеременно ненависть, презрѣніе и смѣхъ; но всѣ эти впечатленья сходятся въ глубокомъ отвращеніи, котораго не можетъ не чувствовать благородно мыслящій человѣкъ, видя, что первое и самое важное дѣло въ Россіи—правосудіе, ввѣрено безотчетной власти человѣка почитаемаго одною половиною Россіи—первымъ врагомъ отечества и всякой правды, а другою половиною признаваемаго за явно сумашедшаго. Одни говорятъ: "неужели государь не знаетъ, не видитъ?"—"О, еслибъ государь могъ знать и видѣтъ хотя малую часть всего что дѣлаютъ люди облеченные его довѣріемъ! О еслибъ хоть эти строки попавшись на глаза ему побудили его избавить Россію отъ гр. Панина!" Другіе говорятъ: "но кого же сдѣлать министромъ юстиціи?"—Мы отвѣтимъ на это: кого нибудь, лишь бы этотъ кто нибудь не былъ лишенъ здраваго смысла и самыхъ первыхъ общихъ понятій о правосудіи: лишь бы этотъ кто нибудь былъ человѣкомъ; не-

ужели человѣка, простаго здороваго человѣка, не найдется въ Россіи на мѣсто графа Панина?

Какъ ни странно представить себѣ сумасшедшаго министра юстиціи, но когда называютъ гр. Панина сумасшедшимъ, мономаномъ, — нѣтъ достаточныхъ основаній возражать противъ этого названья; и точно, теперь возражаютъ уже не многіе, такъ поразительны доказательства того отчужденія отъ дѣйствительнаго міра и всѣхъ началъ здраваго разума, въ которомъ пребываетъ графъ Панинъ. Вѣроятно съ ранней молодости воззрѣніе его на жизнь и міръ развивалось подъ вліяніемъ какой либо исключительной сферы, въ которой онъ былъ воспитанъ. Какое именно воззрѣніе окончательно образовалось въ немъ,—невозможно опредѣлить, потому что онъ никакого до себя недопускаетъ, ни въ чемъ категорически не высказывается и окружаетъ свою внутреннюю жизнь непроницаемой тайной; но по всѣмъ его дѣйствіямъ можно заключить, что это воззрѣніе самое уродливое, какое только можно было встрѣтить до сихъ поръ въ го-

сударственномъ человѣкѣ. Одно постоянно замѣтно въ немъ: какое то тупое упрямство въ самыхъ прихотливыхъ мнѣніяхъ, какая то догматическая вѣра въ непогрѣшимость своей личности. Когда представляется вопросъ: — какое рѣшеніе изберетъ гр. Панинъ въ данномъ случаѣ, какое впѣчатленье произведетъ на него то или другое дѣйствіе,—почти навѣрное можно сказать, что рѣшеніе или мнѣніе его будетъ совершенно противоположно тому, чего можно ожидать на основаніи здраваго человѣческаго смысла: а своего мнѣнія гр. Панинъ не измѣняетъ никогда. Мнѣнія его бываютъ обыкновенно построены на основаніи особенной, исключительно ему только свойственной логики, которой правила совершенно расходятся съ началами мышленія, общими для всего остальнаго человѣчества, и потому никто не смѣетъ возражать противъ его рѣшеній, какъ бы ни казались они нелѣпы: возражать можно только тогда съ успѣхомъ, когда есть возможность сойтись въ общихъ началахъ сужденія. Въ первой половинѣ служебнаго поприща

гр. Панина это отрицательное качество не развилось еще во всей своей силѣ, новый министръ не получилъ еще полной вѣры въ себя, его еще сдерживали нѣкоторыя самостоятельныя личности, состоявшія при немъ. Тогда онъ боялся еще возраженій, уступалъ еще убѣжденіямъ логики и здраваго смысла; директоры Д-та министер. юстиціи Данзасъ и Пинскій нерѣдко принуждали его отказываться отъ рѣшеній явно нелѣпыхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ Пинскаго смѣнила личность Топильскаго, рабски преданнаго и рабски молчаливаго, всякое противодѣйствіе и возраженіе стало уже невозможно; гр. Панинъ можетъ назвать чёрнымъ то что представляется бѣлымъ всему остальному человѣчеству, можетъ въ нарушеніе всякой правды подвергнуть сторонняго, ни душой ни тѣломъ невиноватаго человѣка, отвѣтственности за дѣйствіе, въ которомъ онъ вовсе не участвовалъ: никто не осмѣлится поднять свой голосъ въ защиту правды и здраваго смысла.

Говорятъ, что гр. Панинъ человѣкъ клас-

сически образованный, что онъ много читаетъ, что онъ имѣетъ даръ слова и рѣчи его въ государ. совѣтѣ всегда производятъ впечатлѣніе. Что онъ читаетъ много—это до такой степени вѣрно, что въ послѣднюю войну дѣла М-ва юстиціи производились только подъ прикрытіемъ его имени, въ то время какъ самъ онъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ запершись въ кабинетѣ съ картами и журналами и составлялъ проэкты объ изгнаніи союзныхъ войскъ изъ Крыма. * Искуство его облекать въ оффиціальныя формы и въ громкія слова—пустоту содержанія, неудивительно такъ же какъ и то что многіе довольствуются стройною фразой, незаботясь о духѣ и вну-

* Эта страсть гр. Панина къ военнымъ и стратегическимъ соображеніямъ въ послѣднюю войну сдѣлалась въ то время баснею двора и города. Вотъ одинъ изъ разсказовъ которые тогда были въ ходу. Однажды, когда гр. Орловъ пріѣхалъ во дворецъ съ докладомъ, покойный государь съ гнѣвомъ сказалъ ему: "скажи своему Панину: съ чего онъ вздумалъ осматривать Кронштатскія укрѣпленья; скажи что я не позволяю—Qu'est-ce qu'il se mêle continuellement des affaires qui ne le regardent pas!—

треннемъ смыслѣ рѣчи. Но во всемъ что выходитъ изъ круга оффиціальной, бумажной, кабинетной дѣятельности, во всемъ что касается настоящаго дѣла и жизни дѣйствительной, —даже во всемъ что относится до міра юридическихъ отношеній, въ которомъ гр. Панинъ призванъ дѣйствовать,—невѣденіе и неспособность его не подлежатъ сомнѣнію. Онъ самъ это чувствуетъ, и вотъ по нашему мнѣнію одна изъ причинъ отъ чего онъ избѣгаетъ всякого непосредственнаго отношенія къ подвѣдомственнымъ чиновникамъ, всякаго объясненія съ ними внѣ оффиціальнаго бумажнаго объясненія посредствомъ ордеровъ и рапортовъ. Не столько боится онъ при этомъ

"Топильской поблѣднѣлъ отъ ужаса, когда Орловъ въ тотъ же день передалъ ему эти слова государя :" ваше сіятельство! Графъ никогда и не воображалъ просить такого дозволенья.—"Оказалось что просился гр. Паленъ, но государь слыша прежде о страсти гр. Панина къ военнымъ страстямъ, — отнесъ къ его лицу такую просьбу. Гр. Панинъ былъ тогда въ отчаяніи отъ ошибки и просилъ гр. Орлова доложить государю, что не онъ просился, но Орловъ не рѣшился докладывать.

унизить свое величіе, сколько боится выказать свое невѣжество. Оффиціальный пріемъ просителей, оффиціальное представленіе чиновниковъ, даютъ ему возможность отдѣлаться отъ всего оффиціальною фразой, оффиціальнымъ киваніемъ головы. За то всякое изустное объясненіе о дѣлѣ, о нуждахъ и потребностяхъ службы дѣйствительной, отклоняется имъ постоянно съ непобѣдимымъ упорствомъ. Оберъ-прокуроры сенатскихъ департаментовъ, иногда по нѣскольку лѣтъ, не видятъ его въ глаза; иные по нѣскольку мѣсяцевъ безплодно добиваются у него аудіенціи, чтобы объясниться о необходимыхъ дѣлахъ службы; но и получивъ съ великимъ трудомъ право предстать передъ него, возвращаются ни съ чѣмъ, потому что никакаго изустнаго, живаго откровеннаго объясненія гр. Панинъ не терпитъ, развѣ по вопросамъ хозяйственнымъ и дисциплинарнымъ. Трудно повѣрить, что министръ юстиціи систематически отказывается отъ всякаго личнаго сношенія съ оберъ-прокурорами, которые непосредственно под-

чинены ему, отъ него и по закону непосредственно должны получать наставленія. Въ Петербургѣ всѣ уже давно перестали этому удивляться, но въ Москвѣ, гдѣ еще не совсѣмъ привыкли смотрѣть на министра какъ на безличный образъ, многимъ показалось странно, что министръ, пріѣхавъ на коронацію, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не призвалъ къ себѣ ни одного оберъ-прокурора, ни съ однимъ ни объяснился до послѣдняго дня, когда всѣ на минуту ему представились. Еще страннѣе было, говорятъ, появленіе его въ московскомъ сенатѣ. Онъ торжественно прошелъ по департаментамъ въ сопровожденіи Топильскаго, и упорно глядя впередъ на одну неопредѣленную точку, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на оберъ-прокуроровъ, ожидавшихъ его по департаментамъ, не кивнулъ даже никому изъ нихъ головою, хотя въ двухъ шагахъ отъ нихъ останавливался щупать бархатную покрышку на присутственномъ столѣ, и потомъ съ тѣмъ же безстрастнымъ видомъ, въ той же торжественной процессіи прошолъ

Но если нѣтъ возможности подчиненному лично объясниться съ гр. Панинымъ и по дѣламъ службы, есть можетъ быть средство возбудить его вниманіе къ дѣлу, обратить взглядъ его на потребность настоятельную посредствомъ оффиціяльной переписки? Нѣтъ. Сотни рапортовъ посылаются ежедневно къ министру Юстиціи изъ сенатскихъ канцелярій, отъ губ. прокуроровъ, и ни одинъ не остается безъ отвѣта болѣе или менѣе отдаленнаго, но всякій отвѣтъ имѣетъ цѣлью только формальную очистку бумаги; ко всякой же дѣйствительной потребности, ко всякому жизненному вопросу службы министръ остается и глухъ и слѣпъ; отъ всего существеннаго онъ отдѣлывается одною обрядностью или формой; за то количество и разнообразіе формъ доведено имъ до крайней степени. Въ формахъ и вѣдомостяхъ гр. Панинъ полагаетъ всю сущность своего дѣла; каждый годъ является нѣсколько фантазій его въ этомъ родѣ, фантазій, доходящихъ до нелѣпости.

Случается иногда, что потребность слишкомъ настоятельна, что вопросъ слишкомъ категори-

чески постановленъ, такъ что нельзя прямо отказаться отъ разсмотрѣнія и разрѣшенія. Въ этихъ случаяхъ гр. Панинъ неизмѣняетъ своей обыкновенной системѣ: онъ принимаетъ вопросъ, признаетъ потребность, заводитъ по немъ производство — но результатомъ его является таже безплодная пустая форма, такъ что не знаешь чему болѣе дивиться— безстыдству-ли или нелѣпости рѣшенія. Такъ однажды, конечно въ слѣдствіе какого нибудь громкаго дѣла, вниманіе гр. Панина обращено было на разнообразіе рѣшеній въ департаментахъ сената по дѣламъ совершенно однороднымъ. Разнообразіе это дѣйствительно доходитъ до юридическаго соблазна: надобно было очистить эту статью, сдѣлать что нибудь. Что же сдѣлалъ гр. Панинъ? Онъ приказалъ въ каждомъ д-тѣ сената составлять понедѣльные списки дѣламъ назначеннымъ къ докладу и пересылать ихъ изъ одного д-та въ другой съ тѣмъ, чтобы оберъ-секретари ихъ прочитывали. Можно представить себѣ какія толстыя тетради образовались изъ этихъ списковъ, на

которыхъ оберъ-секретари должны были не читая отмѣчать: читалъ. Въ этихъ спискахъ дѣла обозначались такимъ образомъ: дѣло Петрова съ Ивановымъ, о домѣ, дѣло Сергѣева объ убійствѣ и т. под. Очевидно изъ этого обозначенія никто не могъ получить понятія о существѣ вопроса подлежавшаго разрѣшенію, и составленіе списковъ едвали уже не прекратилось само собою. Въ другой разъ прошла молва, что гр. Панинъ велѣлъ собрать всѣ мнѣнія госуд. совѣта, состоявшіяся по дѣламъ сенатскимъ; по архивамъ Петербургскимъ и Московскимъ разосланы были чиновники собирать и выписывать. Иные желали исполнить дѣло свое добросовѣстно, извлекли изъ каждаго дѣла точное содержаніе вопроса, который получилъ разрѣшеніе. Чтожъ явилось результатомъ труда? Двѣ толстыя книги, въ которыхъ все содержаніе дѣлъ отброшено было въ сторону, а остались одни нѣмые списки съ означеніемъ именъ и чиселъ. Въ 1856 году, по смерти императора Николая поднялись толки о гласности; говорили что новый государь

открыто заявилъ свое расположеніе къ ней и совѣтовалъ особенно гр. Панину быть доступнѣе. Какъ же отразилась на гр. Панинѣ новая идея о гласности дѣйствій и о доступности правительственныхъ лицъ? Онъ приказалъ на нѣкоторое время печатать въ сенатскихъ вѣдомостяхъ списки поданныхъ ему жалобъ съ краткимъ обозначеніемъ предварительныхъ его распоряженій, и объявилъ во всѣхъ газетахъ, что въ такіе то дни и въ такіе то часы министръ принимаетъ просителей, имѣющихъ до него нужду. Всякая дѣйствительная потребность какъ будто недоступна гр. Панину, или отражается въ сознаніи его такъ блѣдно и безцвѣтно, какъ въ сознаніи поврежденнаго человѣка. Съ понятіемъ о человѣкѣ государственномъ привыкли соединять и воззрѣнія болѣе или менѣе широкія, государственныя; но воззрѣнія гр. Панина на самый важный государст. предметъ съуживаются до нелѣпости: мѣры принимаемыя имъ въ такомъ

случаѣ до невѣроятности дики.— Еслибъ онѣ подлежали гласности,— то давно подвергли бы его публичному осмѣянію:— еслибъ всѣ знали объ нихъ, для гр. Панина давно уже стало бы невозможно оставаться министромъ юстиціи; но всѣ эти распоряженія покрыты канцелярской тайной, и только масса чиновниковъ въ тихомолку надъ ними смѣется. Произвольно ли напускаетъ на себя эту дурь министръ юстиціи для того, чтобы скрыть подъ маскою ребяческаго воззрѣнія крайнюю политическую недобросовѣстность, или дѣйствительно высказываетъ свои убѣжденія, слѣдуетъ своимъ взглядамъ,— во всякомъ случаѣ осьмнадцатилѣтнее его управленіе министер. юстиціи сдѣлалось фактомъ тяжкимъ, невыносимымъ, нелѣпымъ. Многія распоряжднія министра напоминаютъ басню о глупомъ ребенкѣ хотѣвшемъ вычерпать море чашкою. Случается что мысль гр. Панина бываетъ поражена какимъ нибудь событіемъ, въ которомъ онъ видитъ вредъ для службы, или нарушеніе закона: въ такомъ случаѣ иногда считаетъ

онъ нужнымъ принять по своему министерству общую мѣру для предупрежденія злоупотребленій на будущее время; составляется и разсылается циркулярное предписаніе,— но въ этихъ циркулярахъ никто не отыскалъ еще до сихъ поръ живой мысли, мѣры практической. Огромное собраніе циркуляровъ гр. Панина будетъ служить для будущаго историка документальнымъ доказательствомъ того, до какихъ ребяческихъ распоряженій могъ дойти духъ формализма въ Россіи въ одномъ изъ самыхъ крайнихъ его представителей. Къ счастью ордеры гр. Панина, явно нелѣпые или вовсе неисполнимыя, только помѣчаются въ канцеляріяхъ и остаются безъ всякаго дѣйствія: чтожъ было бы еще, еслибъ ревность подвѣдомственныхъ чиновниковъ дошла до буквальнаго исполненія всего что приказываетъ Панинъ? примѣровъ множество и всѣхъ не перечтешь.

Въ 1843 году въ одномъ изъ Д-товъ Сената былъ опредѣленъ канцелярскимъ чиновникомъ отставной офицеръ, оказавшійся въ послѣдствіи

бѣглымъ рядовымъ: случай, который возможенъ потому, что вездѣ возможно мошенничество и составленіе фальшивыхъ видовъ или актовъ. Но въ сознаніи графа Панина это событіе приняло видъ явленія вреднаго для государственной службы, которое можетъ быть предупреждено общею мѣрой: и вотъ гр. Панинъ предписываетъ циркулярно—не представлять никого изъ отставныхъ къ опредѣленію на службу безъ сношенія съ лицами отъ коихъ выданъ послѣдній аттестатъ, для удостовѣренія въ подлинности сего документа и въ тождествѣ лица; то есть—для опредѣленія напр. въ службу въ Петербургъ лица получившаго отставку въ Петропавловскомъ портѣ должно заводить переписку съ Камчаткою и оставляя вакансію не замѣщенною, ждать цѣлый годъ отвѣта, котораго никто не можетъ дать, потому что, заглазно нельзя удостовѣрить тождество личности; предписаніе это едва ли отмѣнено съ 1843 года, но къ счастью почти никто не исполнялъ его.—Случилось, что у столоначальника пропало дѣло: графъ Панинъ выпускаетъ

цѣлый рядъ распоряженій, и въ томъ числѣ на пр. предписываетъ не увольнять никого въ отпускъ безъ формальной сдачи дѣлъ: неразумность этого распоряженія понятна тому, кто знаетъ что отпускъ дается иногда на нѣсколько дней, а сдача дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ —продолжается по нѣскольку мѣсяцевъ. Разумѣется что и этотъ ордеръ остался безъ исполненія. Въ другой разъ гр. Панина поразила мысль о томъ, что нѣкоторые молодые люди, обязанные срочною службой по мин. юст., уѣхавъ за границу, остаются тамъ долѣе срока, и такимъ образомъ "привыкаютъ къ жизни безплодной и праздной, неприличной для русскаго дворянина." И вотъ онъ издаетъ цѣлый рядъ формальныхъ постановленій, предписывая сначала не представлять къ увольненію въ отпускъ за границу никого, кто не прослужилъ 5 лѣтъ,— потомъ,—кто не дослужился до секретарской (почему жъ именно секретарской?) должности; наконецъ кто прослужилъ менѣе 10 лѣтъ, кромѣ случаевъ опасной болѣзни, о чемъ будетъ дѣлаемо по распоряженію м-ва особое освидѣ-

тельствованіе. Замѣтимъ здѣсь, что порядокъ увольненія въ отпускъ опредѣленъ закономъ, дѣйствіе котораго министръ не смѣлъ стѣснять и ограничивать.

Безнравственные поступки чиновниковъ—явленіе совсѣмъ не рѣдкое; но въ 1852 году гр. Панинъ былъ пораженъ тѣмъ, что "одинъ изъ чиновниковъ ввѣреннаго ему м-ва обнаружился въ безнравственномъ поступкѣ." Тотчасъ въ головѣ его родилась мысль о томъ, что при строгомъ наблюденіи со стороны начальства не должно бы даже въ частной жизни чиновниковъ случаться безнравственныхъ поступковъ;—не разъ уже въ другихъ случаяхъ онъ поставлялъ на видъ начальникамъ, что имъ "должны быть извѣстны обстоятельства касающіяся образа жизни служащихъ подъ вѣдомствомъ ихъ чиновниковъ." И вотъ, по распоряженію его сіятельства каждому непосредственному начальнику циркулярно вмѣняется въ обязанность доносить своему начальству о всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ, навлекающихъ нареканіе на кого нибудь изъ под-

чиненыхъ, или о тѣхъ обстоятельствахъ кои возбуждаютъ подозрѣніе о противузаконномъ поступкѣ.—Къ счастью начальники большею частью нашли для себя неудобнымъ присоединить къ другимъ своимъ оффиціяльнымъ обязанностямъ обязанность оффиціяльнаго доносчика, слѣдящаго за домашнимъ поведеніемъ подчиненныхъ.

Однажды показалось гр. Панину, что въ Москвѣ канцелярскіе матеріялы слишкомъ дорого покупаются и онъ приказалъ прекратить подряды на нихъ въ д-тахъ сената, а всю бумагу и прочія принадлежности присылать въ Москву изъ Петербурга! Что же вышло? Начали присылать изъ Петербурга бумагу съ фабрикъ замосковныхъ, бумагу которую надобно было за 60 верстъ привесть въ Москву, доставить оттуда къ купцамъ въ Петербургъ, поставить подрядомъ въ министерство юстиціи и оттуда обратно прислать въ Москву—гдѣ, какъ слышно, не знаютъ иногда на чемъ писать въ ожиданіи новой присылки. Подобной нелѣпости мы не могли бы уже повѣрить

если бъ не знали объ ней положительно изъ самаго достовѣрнаго источника.—Вообще невозможно исчислить всѣ безумныя распоряженія гр. Панина; но вотъ еще одно изъ нихъ. Пришла ему мысль, что въ сенатскихъ запискахъ по дѣламъ необходимо помѣщать въ подлинникѣ всѣ документы писанные на иностранныхъ языкахъ, хотя по закону при всякомъ подобномъ подлинникѣ долженъ быть представленъ къ дѣлу засвидѣтельствованный переводъ. Немедленно разосланы были повсемѣстные циркуляры, безъ всякаго соображенія о томъ что для исполненія ордера пришлось бы завести въ каждомъ д-тѣ писцовъ знающихъ не только всѣ европейскіе, но и восточные языки. Ордеръ этотъ конечно оказался неисполнимымъ относительно послѣднихъ. Но главное затрудненіе возникло при печатаніи записокъ, потому что въ сенатской типографіи неоказалось ни необходимыхъ иностранныхъ литеръ, ни знающихъ корректоровъ. Такимъ образомъ для исполненія прихоти графа Панина приказано было однажды въ Петербургѣ за-

писку наполненную документами на Англійскомъ языкѣ печатать въ частной типографіи и за напечатаніе было заплачено болѣе 1,000 рублей серебромъ.

Всѣ вопросы, возникающіе изъ дѣйствительной жизни и имѣющіе практическую цѣль, систематически уничтожаются и тушатся гр. Панинымъ. Возникаетъ ли въ сенатѣ, по частному дѣлу вопросъ законодательный, — гр. Панинъ даетъ ему ходъ, если онъ принадлежитъ къ области формальностей; но если это живой вопросъ гражданскаго или уголовнаго права,—нѣтъ ему пощады. Гр. Панинъ находитъ въ такомъ случаѣ, или что возбужденіе вопроса было бы неудобно, или что лучше отложить его до предбудущаго разрѣшенія другаго вопроса, или что слѣдуетъ предоставить его II Отдѣленію Собствен. Е. И. В. Канцеляріи, составляющему будто бы невѣдомо гдѣ, какъ и на какихъ основаніяхъ невѣдомо какія правила.... Извѣстно сколько разъ возбуждался въ нашихъ законодательныхъ лабораторіяхъ вопросъ о сокращеніи переписки — этой язвы

разъѣдающей Россію. Графъ Панинъ всякій разъ встаетъ въ ряды защитниковъ стараго безпорядка и его то ухищреніямъ слѣдуетъ между прочимъ приписать то замѣчательное явленіе, что наша переписка всякій разъ умножается и распложается послѣ изданія новыхъ правилъ о сокращеніи переписки. Непрямымъ путемъ гр. Панинъ съ компаніей подобныхъ себѣ достигаетъ того, что отвергаются всѣ самые естественные способы упрощенія и подъ видомъ сокращенія переписки вводятся новыя формы. Въ м-вѣ юстиціи долженъ сохраняться и теперь еще цѣлый архивъ записокъ и замѣчаній по этому предмету, дѣльныхъ и практическихъ, доставленныхъ подвѣдомственными мѣстами и лицами, и оставленныхъ безъ всякаго разсмотрѣнія и огласки. Послѣдняя и самая плачевная попытка къ сокращенію переписки разрѣшилась извѣстнымъ положеніемъ 1850 года, въ которомъ желающій можетъ найти очевидное доказательство совершенной неспособности законодательныхъ органовъ нашихъ къ практическому дѣлу. Въ особомъ комитетѣ

учрежденномъ тогда для изысканія способовъ къ упрощенію производства возникъ весьма важный вопросъ объ освобожденіи судебныхъ мѣстъ отъ безполезной и обременительной обязанности подтверждать и наблюдать за исполненіемъ своихъ рѣшеній. Эта благодѣтельная мысль была принята почти всѣми членами, и въ такомъ смыслѣ состоялся окончательный проэктъ. Графъ Панинъ вооружился противъ него всею силой своей діалектики, но, не успѣвъ подѣйствовать на убѣжденіе членовъ, избралъ другое средство болѣе дѣйствительное. Въ запискѣ составленной "ad hoc" и представленной государю онъ постарался указать на какое то возмутительное революціонное начало: скрывающееся въ проэктѣ. Такаго ловкаго внушенія было конечно достаточно для того, чтобы подѣйствовать на Николая и предположенная реформа не состоялась. Вотъ какія средства употребляетъ министръ юстиціи для достиженія своихъ любимыхъ цѣлей! Мудрено ли что покойный государь думалъ видѣть въ немъ одну изъ опоръ престола, всегда читая на лбу

его туже обманчивую надпись: "всей душою преданъ," которую по вѣковому преданію всѣхъ временщиковъ выбралъ нѣкогда своимъ девизомъ одинъ изъ самыхъ жестокимъ мучителей Россіи. Въ сентябрѣ 1857 года, къ отрадѣ всѣхъ людей благонамѣренныхъ, *Русскимъ вѣстникомъ* поднятъ былъ вопросъ объ устности и гласности судопроизводства въ Россіи, а въ Ноябрѣ отъ цензурнаго управленія послѣдовало запрещеніе печатать статьи объ этомъ вопросѣ. Запрещеніе состоялось вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки поданной гр. Паниным. Говорятъ, что въ этой запискѣ онъ заранѣе указываетъ въ публичномъ судопроизводствѣ зародышъ безпорядковъ общественныхъ и возмутительнаго духа.

Природѣ гр. Панина противна всякая самостоятельность сужденія, противно всякое живое слово, о чемъ бы ни разсуждало оно, гдѣ бы ни раздавалось. Николаевская цензура казалась еще ему слишкомъ вольною. Осенью 1854 года появилась въ *Москвитянинѣ* статейка о бывшемъ министрѣ юстиціи Дашковѣ,

Авторъ, перечисляя на двухъ страницахъ всѣ положительныя качества, выставилъ въ параллель цѣлый рядъ отрицательныхъ, дурныхъ качествъ, которыхъ у Дашкова не было: въ этихъ послѣднихъ качествахъ читателю знакомому съ дѣломъ не трудно было узнать ловко подобранныя черты гр. Панина; прочтя статью гр. Панинъ разсердился на журналъ и захотѣлъ отомстить ему. Въ послѣднемъ отдѣлѣ той же книжки замѣтилъ онъ какую-то ничтожную повѣсть и выбравъ изъ нея въ особую записку съ примѣчаніями нѣсколько фразъ, силился поднять изъ за нихъ гоненіе на *Москвитянина* въ главномъ управленіи цензуры. Гроза прошла мимо, но редакторъ долженъ былъ ѣздить въ Петербургъ для объясненія.— Подобныя продѣлки гр. Панина повторялись не разъ; еще недавно, по поводу статей Павлова и Щедрина въ Русскомъ вѣстникѣ составлялъ онъ новыя всеподданнѣйшія записки, но на этотъ разъ ему не удалось, и не онъ торжествовалъ побѣду.

Извѣстно что устройство судовъ въ Россіи

находится на низкой степени, что всѣ суды у насъ въ жалкомъ положеніи. Необходимость реформы въ этомъ отношеніи становится съ каждымъ днемъ ощутительнѣе, требованіе общаго мнѣнія—настоятельнѣе; понятно что по характеру гр. Панина невозможно и ожидать отъ него ни малѣйшаго движенія къ реформѣ. Всѣми силами своими держится онъ за существующій почти хаотическій безпорядокъ, и это инстинктивное стремленіе къ удержанію безпорядка весьма естественно, потому что только безпорядку, только отсутствію свѣта и разумныхъ началъ должно приписать то, что Панинъ до нынѣ остается министромъ юстиціи; всякій лучь свѣта допущенный въ храмъ нашего правосудія освѣтилъ бы прежде всего личность Панина и тотчасъ же сдѣлалъ бы нестерпимымъ, невозможнымъ дальнѣйшее существованіе такаго министра. Понятно что гр. Панинъ не терпитъ свѣта, противодѣйствуетъ всякой гласности, отвергаетъ законность живой рѣчи. словеснаго объясненія на судѣ. Но умственная и нрав-

ственная его неподвижность простирается еще далѣе каково-бы ни было устройство суда,— позволительно требовать чтобы по крайней мѣрѣ были у него средства къ матеріальной дѣятельности, средства механическія. Развѣ только безумный хозяинъ сталъ бы требовать исправной работы, не давая работникамъ пищи и орудій. Таково положеніе почти всѣхъ судовъ нашихъ: запутанные громадною перепиской, заваленные дѣлами, съ каждымъ годомъ прибывающими, они не имѣютъ физической возможности, матеріальныхъ средствъ оканчивать дѣла свои; канцеляріи не имѣютъ рукъ для того, чтобы переписать и половину бумагъ своихъ, наполнены безграмотными, невѣжественными писцами, получающими въ мѣсяцъ по нѣсколько рублей жалованья, опредѣляемаго между ними по усмотрѣнію предсѣдателей. Многія палаты нѣсколько разъ представляли министру о томъ, что нѣтъ возможности производить дѣла, нѣтъ рукъ, нѣтъ средствъ, нѣтъ денегъ, что вся машина разстроилась и должна остановиться, съ отча-

яніемъ требовали помощи и снисхожденія министра.

Что же? Министръ остается слѣпъ, глухъ и нѣмъ ко всѣмъ представленіямъ и воплямъ. Онъ положилъ въ умѣ своемъ такое мнѣніе, что все должно итти своимъ порядкомъ и ни за что на свѣтѣ не отступитъ отъ этого мнѣнія. Что ему за дѣло до того, какъ дѣлаются дѣла, какія постановляются рѣшенія, какими средствами производится письменная работа: лишь бы очищались бумаги и сводились итоги. Всѣ въ Россіи знаютъ напримѣръ, что ни одна гражд. палата не могла бы продолжать существованія при помощи своихъ средствъ, еслибъ не поддерживалась выкупомъ за право ничего не дѣлать отъ купеческихъ засѣдателей, да незаконными поборами съ просителей въ крѣпостной экспедиціи. Не на чемъ было бы писать, потому что—въ иныхъ палатахъ канцелярской суммы не достало бы и на десятую часть всей бумаги которая употребляется въ дѣло. Гдѣ крѣпостная часть даетъ большіе доходы чиновникамъ,

тамъ матеріяльныя средства въ исправности, потому что чиновники устроиваютъ ихъ изъ своихъ доходовъ; гдѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ доходы крѣпостной экспедиціи не такъ значительны, тамъ и палата не имѣетъ возможности поддержать себя. Гр. Панинъ знаетъ это—и упорно молчитъ на всѣ представленія палатъ, или дѣлаетъ имъ замѣчанія *за неумѣстность представленія.* Въ уѣздныхъ судахъ это нищенство еще поразительнѣе. Но что говорить о нисшихъ инстанціяхъ, когда въ сенатѣ, канцелярія котораго состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ министерства, встрѣчаются явленія еще болѣе поразительныя. Количество дѣлъ и переписки умножается съ каждымъ годомъ въ страшной прогрессіи, а средства остаются тѣже въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Достаточно сказать, что каждый столоначальникъ имѣетъ въ распоряженіи по своему повытью трехъ писцовъ; но количество исписанной бумаги въ каждомъ повытѣ считается ежегодно тысячами, а въ нѣкоторыхъ десятками тысячъ

листовъ; нерѣдко встѣчаются по одному дѣлу записки въ нѣсколько тысячь листовъ. Нѣтъ физической возможности повытью исправить всю эту страшную работу собственными средствами. Что же дѣлается? Въ Петербургѣ обыкновенно предпочитаютъ ждать или отдѣлываться формами, очередью, справками и показывать всѣ дѣла рѣшеными къ концу года, изрѣдка нанимать вольныхъ писцовъ; понятно, что никто не имѣетъ средства и не хочетъ исправлять казенное дѣло изъ собственнаго кармана. Иная система какъ мы знаемъ изъ достовѣреныхъ источниковъ, принята въ Москвѣ, въ гражданскихъ д-тахъ сената. Тамъ издавна повелось, что столоначальникъ приготовляетъ записку ко дню доклада; и записки приготовляются—или на счетъ просителей, или изъ собственныхъ средствъ столоначальника, если онъ человѣкъ молодой, не умѣющій брать деньги отъ просителей. Для этой цѣли при каждой канцеляріи существуетъ еще особая канцелярія вольнонаемныхъ писцовъ, безъ сомнѣнія исписывающая

впятеро болѣе казенной бумаги, нежели писцы штатные. Такимъ образомъ столоначальникъ гражд. департамента истрачиваетъ ежемѣсячно на наемъ писцовъ отъ 5 до 25 и болѣе рублей серебромъ; а въ иныхъ повытьяхъ эта трата доходитъ круглымъ числомъ до 15 руб. сер. въ мѣсяцъ, если часто случаются толстыя записки. Не надо забывать при этомъ что столоначальникъ получаетъ въ мѣсяцъ всего 25 р. * жалованья. Ясно что такой обычай—стыдъ для правосудія, стыдъ особенно для верховнаго суда; стыдъ всего болѣе для министра юстиціи, который объ немъ знаетъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ оберъ-прокуроровъ рѣшился представить министру о необходимости прекратить такое положеніе. На это мин. юст. отвѣчалъ, что переписка бумагъ на счетъ самыхъ чиновниковъ не должна быть допускаема, но не далъ и дѣйствительнаго средства прекратить зло. Гр. Панинъ не подумалъ о причинахъ зла

* См. оклады.

и о средствахъ привесть канцелярію въ нормальное положеніе; онъ указалъ на возможность вспоможенія со стороны казны, но по обычаю своему превратилъ и это вспоможеніе въ мертвую форму; именно онъ постановилъ что вольнымъ писцамъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть платимо 3 коп. за листъ,—тогда какъ ни одинъ писецъ не беретъ дешевле 5-ти, дозволилъ входить съ представленіями о пособіи на переписку только въ опредѣленные сроки и при каждомъ представленіи прилагать подробныя вѣдомости о томъ, сколько и какимъ именно писцомъ штатнымъ переписано листовъ бумаги въ теченіи двухъ лѣтъ до представленія, и сколько листовъ переписывано писцами наемными; такія вѣдомости, по распоряженію его должны вестись у каждаго столоначальника по недѣльно: явное намѣреніе затруднить въ послѣдней степени нелѣпою вѣдомостью всякую просьбу о пособіи.

Было бы продолжительно и скучно разсказывать въ подробности плачевную исторію

всѣхъ представленій, касавшихся самыхъ настоятельныхъ канцелярскихъ потребностей. Не такъ давно, говорятъ, въ Московскомъ сенатѣ доходило до того, что иные чиновники держали чернила въ помадныхъ банкахъ за неимѣніемъ чернильницъ, сидѣли на старыхъ бумагахъ и на связанныхъ брусьяхъ за неимѣніемъ стульевъ; бархатъ на столѣ въ самомъ присутствіи висѣлъ въ лохмотьяхъ. Нѣсколько лѣтъ тянулись представленія, составлялись и распускались комитеты для устройства новой мебели; наконецъ велѣно было починить прежнюю существовавшую съ незапамятныхъ временъ.

Разногласіе существующее въ нашемъ управленіи бываетъ причиною того, что одинъ министръ можетъ мѣшаться въ дѣла другаго, закрывая себя высочайшимъ повелѣніемъ. Случается, что по дѣламъ м-ва юстиціи Танѣевъ объявляетъ высочайшее рѣшеніе, основанное на данныхъ невѣрныхъ или на докладѣ неправильномъ. Рѣдко случается, чтобы гр. Панинъ рѣшился объяснить государю

ошибку, или представить о невозможности исполненія. Однажды покойный императоръ, по докладу Танѣева, замѣтилъ, что въ сенатѣ остается много нерѣшенныхъ дѣлъ, разсердился, велѣлъ потребовать объясненіе отъ оберъ-прокуроровъ и потомъ объявить имъ замѣчаніе. Цыфра нерѣшенныхъ дѣлъ, выставленная въ вѣдомостяхъ дѣйствительно была велика, но оказалось что всѣ эти дѣла оставались нерѣшенными за неокончаніемъ апелляціонныхъ сроковъ, слѣдовательно по закону не могли быть предложены къ рѣшенью. Что же? Гр. Панинъ вмѣсто того, чтобы доложить государю объ ошибкѣ, происшедшей отъ явнаго недоразумѣнія или невѣжества Танѣева, не постыдился дать оберъ-прокурорамъ предписанія въ томъ смыслѣ какъ будтобы медленность зависѣла отъ сената.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ кромѣ кабинетной юстиціи у насъ развилось и кабинетное законодательство: каждый министръ былъ органомъ его и вносилъ свою долю въ общую массу законовъ обращавшихся

пр мо въ законъ самаго высочайшаго повелѣнія. Гр. Панинъ съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи и по его докладнымъ запискамъ прибавилось нѣсколько статей въ сводѣ законовъ; одинъ изъ такихъ законовъ изданныхъ гр. Панинымъ весьма замѣчателенъ, какъ образецъ юридическаго невѣденія или совершеннаго неуваженія къ существеннымъ началамъ гражданскаго права. Нѣкорые изъ сенатскихъ чиновниковъ занимались открыто ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ, производившимся въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ: законъ не запрещалъ такаго ходатайства, слѣдовательно оно не могло быть признано незаконнымъ или несовмѣстнымъ со званіемъ чиновника. Гр. Панинъ всегда смотрѣлъ косо на такихъ чиновниковъ; нѣсколько разъ циркулярами своими положительно запрещалъ сенатскимъ чиновникамъ принимать на себя ходатайство по дѣламъ и наконецъ распорядился вовсе увольнять отъ службы тѣхъ, которые считая себя въ правѣ по закону, не стѣснялись личнымъ его ра-

спораженіемъ. Запретительнаго закона въ самомъ дѣлѣ не было: надобно было его сдѣлать. Гр. Панинъ рѣшился мимо государственнаго совѣта испросить высочайшее повелѣніе, чтобы всѣмъ чиновникамъ канцеляріи сената запрещено было принимать ходатайство въ какомъ бы то ни было мѣстѣ или вѣдомствѣ по частнымъ дѣламъ. Такое постановленіе могло еще быть объяснено какими нибудь служебными соображеніями; но однимъ только этимъ ограниченіемъ гр. Панинъ не удовольствовался. Высочайшее повелѣніе, превратившееся въ законъ и вошедшее въ составъ 16-го продолженія къ 10-тому, гласитъ еще что сенатскіе чиновники кромѣ оберъ-прокуроровъ, и *по своимъ собственнымъ дѣламъ* въ какомъ бы то ни было мѣстѣ могутъ ходатайствовать не иначе, какъ по письменному разрѣшенію своего начальства. Здѣсь неуваженіе къ личнымъ гражданскимъ правамъ частныхъ лицъ доходитъ уже до нелѣпости: по одному докладу министра, безъ всякаго разсужденія цѣлый

классъ людей въ государствѣ, лишенъ такаго права, безъ котораго нельзя себѣ представить гражданскаго общества, права обращаться къ установленнымъ властямъ съ просьбою о защитѣ, права отъискивать и защищать свое имущество. Всякій сенатскій чиновникъ по закону сдѣлался лицомъ беззащитнымъ, лишеннымъ значительной части общихъ правъ состоянія. У него отняли имѣніе, его ограбили или обокрали: онъ не имѣетъ права жаловаться или просить о защитѣ до тѣхъ поръ, пока получитъ письменное разрѣшеніе начальства; разрѣшеніе можетъ иногда замедлиться на неопредѣленное время, если зависитъ отъ министерства; а между тѣмъ просьба обиженнаго по закону не можетъ быть нигдѣ принята, время проходитъ, случай возвратить отнятое, или обезпечить свое право, теряется невозвратно: если же бы чиновникъ не дождавшись разрѣшенія успѣлъ подать свою просьбу,—то по указанію противной стороны такая просьба должна быть признана не дѣйствительною. Вотъ до какаго нелѣпаго явленія доходило въ

Россіи кабинетное законодательство въ 1851 году: законъ этотъ и донынѣ существуетъ во всей силѣ.

Иные отличаютъ гр. Панина отъ прочихъ министровъ, называя его "честнымъ." И точно, не слыхать чтобъ онъ бралъ взятки.

Да и трудно представить взяточникомъ человѣка, имѣющаго болѣе 10,000 душъ. Но если разумѣть честность въ смыслѣ добросовѣстности и благородства духа, то уже по указаннымъ примѣрамъ можно судить какаго рода честность у гр. Панина. Честность властолюбца, не знающаго предѣловъ произволу въ кругу своемъ, честность царедворца, извлекающаго нравственныя свои правила изъ придворной жизни, честность гордаго эгоиста, который только въ лицѣ своемъ достигаетъ до яснаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ. Стоитъ только перейти въ высшую сферу, гдѣ сосредоточены всѣ консервативные интересы гр. Панина, чтобъ видѣть какъ здѣсь становится податлива не подкупная совѣсть гр. Панина. Въ этой высшей сферѣ витаютъ гр.

Орловы, Адлерберги и имъ подобные, всѣ тѣ, кого *признаетъ* гр. Панинъ; здѣсь витаютъ *постоянно* высочайшія особы и *временно* всѣ тѣ, на которыхъ по случаю падаетъ ихъ высочайшее вниманіе или вниманіе тѣхъ кого *признаетъ* гр. Панинъ. Здѣсь то въ особенности становится очевидно до какой степени министръ Юстиціи "всей душою преданъ" своему высочайшему кругу. Бывали случаи, что человѣкъ, котораго презиралъ и даже преслѣдовалъ гр. Панинъ, вдругъ становился въ глазахъ его почтеннымъ, какъ скоро гр. Панинъ узнавалъ, что имъ интересуется выс. особа.

Гр. Панинъ упорно вѣруетъ въ законность своихъ дѣйствій, ибо, повторяемъ, вѣра въ собственную непогрѣшимость сдѣлалась у него почти догматомъ; по этому всякій капризъ свой, всякое желаніе онъ ставитъ правиломъ для всѣхъ и не признаетъ никакихъ возраженій. Мало того: гр. Панинъ по принципу не признаетъ за собою въ отношеніи къ другимъ никакой обязанности, за другими въ отношеніи къ себѣ никакаго права. Бѣда тому, кто

имѣлъ случай одолжить чѣмъ нибудь гр. Панина, или его наслѣдниковъ, если они напомнятъ гр. Панину о сдѣланномъ одолженіи.

При томъ возможно ли, чтобъ натура прямая и честная допустила подлѣ себя и въ отношеніяхъ къ себѣ такое полнѣйшее уничтоженіе человѣческой личности, какое гр. Панинъ допускаетъ въ Топильскомъ. Оградить себя неприступною стѣной отъ сообщенія со всѣмъ подчиненнымъ человѣчествомъ, считать всѣхъ, кромѣ нѣкоторыхъ избранниковъ, — существами низшей породы, чуждыми, несочувственными, сообщаться со всѣми подчиненными только чрезъ посредство одного приближеннаго человѣка, и въ этомъ человѣкѣ, въ директорѣ департамента министерства Юстиціи создать себѣ домашняго управителя, коммиссіонера, лакея, награждая его за личныя услуги какъ за заслуги государственныя,— воля ваша— это свойственно только натурѣ или неразумно человѣческой или лишенной нравственнаго самоуваженія. Отношенія Топильскаго къ Панину сдѣлались баснею цѣлой

Россіи, изъ анегдотовъ объ нихъ составилась цѣлая эпопея или вѣрнѣе сказать цѣлая кукольная комедія; но эти отношенія и въ психологическомъ отношеніи любопытны и поучительны. Личность Топильскаго сдѣлается достояніемъ исторіи русскаго общества: Топильскаго не вправѣ уже забыть будущій историкъ, когда станетъ говорить о Панинѣ. Обѣ эти личности неразрывно связаны между собою—Топильской—добровольный мученикъ рабства, но и мученикъ честолюбія. Кто знаетъ его близко, тотъ знаетъ что и ему не даромъ досталось самоуничиженіе передъ владыкой. Онъ продалъ гр. Панину свою душу, но какъ Еврей постоянно жалѣющій о томъ, что продалъ слишкомъ дешево, а купилъ слишкомъ дорого,—Топильской тайно протестуетъ противъ своего договора и противъ своего владыки. Нѣтъ кажется той послуги, которую не принялъ бы на себя этотъ человѣкъ при особѣ гр. Панина: на ней сосредоточены всѣ его интересы; онъ знаетъ и обдѣлываетъ всѣ домашнія дѣла его, ѣздитъ за

покупками для него, для жены и дѣтей, для слугъ его, смотритъ за отдѣлкою дома, за порядкомъ въ комнатахъ; каждую минуту "всей душою преданъ" и каждую минуту дрожитъ передъ своимъ властелиномъ.— Это не старый слуга, дошедшій до нѣкоторой короткости съ своимъ господиномъ, раздѣляющій домашнюю жизнь и домашніе интересы, бойкій на языкъ и получившій нѣкоторыя права подлѣ барина, нѣкоторое на него вліяніе: нѣтъ, это безличный, безправный рабъ, постоянно подъ гнетомъ суроваго деспота, всегда въ почтительномъ отъ него отдаленіи, рабъ, готовый на все по приказанію господина, евнухъ, отказавшійся отъ всѣхъ жизненныхъ наслажденій, въ виду господскаго гарема,— всегда съ петлею въ рукахъ для того, на кого ему укажутъ, и самъ готовый лезть въ петлю по первому приказанію, но въ тоже время рабъ съ глубокою затаенною ненавистью— къ ежечасному своему мучителю; со всегдашнимъ ропотомъ въ душѣ, который высказываетъ всюду, гдѣ нѣтъ по близости

господина. Въ тоже время съ завистью смотритъ онъ на всякаго, на кого господинъ его бросилъ ласковый или внимательный взглядъ, на всякаго, въ комъ подозрѣваетъ намѣреніе приблизиться къ гр. Панину. Бѣда этому человѣку, если подозрѣніе Топильскаго подтвердится; никакихъ усилій не пощадитъ онъ для того, чтобы отбросить въ сторону всякаго, кто мимо его находитъ себѣ дорогу къ гр. Панину. Немилость министра къ нѣкоторымъ чиновникомъ, которыхъ онъ отличалъ прежде, объясняется именно— тайными внушеніями Топильскаго, которымъ никто противодѣйствовать не можетъ, потому что никто мимо Топильскаго не имѣетъ средствъ объясниться съ гр. Панинымъ. Такимъ образомъ Топильскому одолженъ графъ Панинъ частію своей, печальной извѣстности. Мы сказали, что Топильской за спиной гр. Панина не упускаетъ случая бранить его и жаловаться на судьбу свою.

Разумѣется, никогда еще не слыхалъ гр. Панинъ отъ Топильскаго ничего похожаго н

совѣтъ или возраженіе: что сказалъ гр. Панинъ, то для Топильскаго свято; что его сіятельство назвалъ чернымъ, того никто не смѣй назвать бѣлымъ, хотя бы все человѣчество было такаго мнѣнія, если гр. Панинъ сказалъ что $2\times2=5$, то пусть это будетъ непреложною истиной. И такаго человѣка гр. Панинъ, какъ слышно— готовитъ сначала въ товарищи себѣ, а послѣ себя въ министры Юстиціи: прекрасная будущность для русскаго правосудія!

Тотъ же духъ раболѣпства передъ министромъ болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ чиновниковъ департамента м. Ю.— Всѣ привыкаютъ уничтожаться передъ графомъ Панинымъ, когда находятся въ его присутствіи: о Топильскомъ и говорить нечего. Онъ стоитъ передъ графомъ въ вытяжку, какъ рядовой, руки по швамъ: усерднѣйшіе изъ оберъ-прокуроровъ стараются подражать той-же позѣ.— Иличевскій (товарищъ министра) смотритъ на Панина съ умиленіемъ, съ нѣжной почтительной улыбкой; многіе отъ того только сдѣлались любимцами гр. Панина, что прини-

мали передъ нимъ видъ благоговѣнія или страха и молчали.—За то бѣда если въ своемъ чиновникѣ гр. Панинъ замѣтитъ осанку свободную: министръ почтетъ его за вольнодумца и не дастъ ему покоя. Такъ одного изъ губернскихъ чиновниковъ гр. Панинъ почелъ за возмутителя и буяна потому только, что представляясь ему чиновникъ этотъ отвелъ руку съ шляпою за спину: тотчасъ же дано было приказаніе имѣть его на замѣчаніи и перевесть въ другую губернію при первомъ случаѣ. Мы говоримъ объ осанкѣ: тѣмъ болѣе сердится гр. Панинъ за неугодливость чиновника.

Можно себѣ представить при такомъ нравственномъ воззрѣніи, при такой обстановкѣ, какаго правосудія, какой правды можно ожидать отъ нашего министра юстиціи. Для того чтобъ разсудить по правдѣ надобенъ здравый смыслъ, необходимо ясное сознаніе того различія, которое существуетъ между добромъ и зломъ, между правдою и неправдою. Но что бы понятіе о правдѣ могло ясно отразиться въ

сознаніи необходимо прямое непосредственное отношеніе сознающаго къ сознаваемому, а гр. Панинъ обо всякомъ предметѣ судитъ посредствомъ особой, ему только свойственной логики, ко всякой личности, состоящей подъ его вѣденіемъ, относится только посредствомъ Топильскаго. Когда въ головѣ гр. Панина возникаетъ вопросъ: кто виноватъ? Виноватый долженъ быть, хотябъ и вины не было. Никакія доказательства, самыя осязательныя и очевидныя, не устоятъ противъ того что рѣшилъ гр. Панинъ и что подтвердитъ конечно Топильскій. Если же по несчастью чиновникъ подвергся неудовольствію государя, или сильнаго лица, то гр. Панинъ никогда не защититъ его, какъ бы ясно ни оказалась его невинность. Вотъ 2 случая для примѣра. Манифестъ о начатіи восточной войны съ союзниками не былъ своевременно доставленъ къ покойному императору и попалъ къ нему въ руки тогда уже, когда печатные экземпляры явились при дворѣ и въ публикѣ. Государь разсердился и въ первомъ порывѣ приказалъ посадить на гауптвахту

правителя канцеляріи мин. юст. Мансурова; оказалось, что Мансуровъ ни въ чемъ не нарушилъ своей обязанности и получивъ манифестъ изъ типографіи, не медля ни минуты сдалъ его курьеру, для доставленія во дворецъ. Упущеніе произошло единственно по винѣ курьера. Что же сдѣлалъ гр. Панинъ? Онъ не только не осмѣлился обнаружить передъ государемъ невинность Мансурова, но за то, что онъ навлекъ на себя замѣчаніе государя, счелъ нужнымъ обратить на Мансурова весь гнѣвъ свой: онъ немедленно донесъ государю что сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи Мансурова отъ должности. Увѣряютъ что государь, получивъ такое донесеніе гр. Панина, не могъ удержаться отъ восклицанія "какой подлецъ!" — А Мансуровъ все таки былъ уволенъ, в. к. Константинъ Николаевичъ въ тотъ же день далъ ему мѣсто въ морскомъ министерствѣ. — *

* Любопытно замѣтить, что тонкою пружиною въ этомъ дѣлѣ былъ и Тепильскій. Мансуровъ давно уже сдѣлался ему ненавистенъ потому, что гр. Панинъ замѣтно отличалъ Мансурова, приглашалъ его нѣсколько разъ къ

Другой случай не менѣе замѣчателенъ. Въ Декабрѣ 1856 года гр. Панинъ предложилъ С. Петербургскому общему собранію Сената къ исполненію высочайше утвержденное мнѣніе госуд. совѣта о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ о порядкѣ совершенія записки на увольненіе помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Сенатъ по принятому порядку заключилъ: для приведенія сего мнѣнія во всеобщую извѣстность послать куда слѣдуетъ указы и вѣденія и напечатать въ собраніи указовъ, издаваемомъ при сенатѣ, о чемъ конторѣ сенатской типографіи дать извѣстіе. При составленіи и исполненіи этого заключенія соблюдены были всѣ установленныя формы: оно было читано министромъ юстиціи и пропущено имъ къ исполненію. Типографія,

обѣду, въ ложу къ себѣ и т. под., чего не дѣлалъ съ Топильскимъ. Топильскій воспользовался первымъ случаемъ, чтобы отстранить его и не дать ему подняться. Когда Маисуровъ съ гауптвахты послалъ гр. Панину оправдательное письмо, Топильскій не допустилъ этого письма до гр. Панина.

получивъ извѣстіе, напечатала указы; одинъ экземпляръ былъ препровожденъ оберъ-прокурору 1-го департамента, который отмѣтивъ на немъ: къ обнародованію, представилъ его гр. Панину, который написалъ съ верху: обнародовать. Часть напечатанныхъ указовъ была разослана; другая поступила въ сенатскую книжную лавку для продажи; оставалось напечатать указъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ. Со времени коронаціи въ народѣ распространился слухъ о намѣреніи государя уничтожить крѣпостное состояніе и помѣщичьи крестьяне ожидали указа о свободѣ. Вдругъ пронесся слухъ, что указъ вышелъ и продается въ сенатской книжной лавкѣ. Число покупателей стало ежеминутно увеличиваться и около лавки образовалась огромная толпа народа. Оберъ-прокуроръ 1-го д-та призналъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ Топильскаго, который вслѣдствіе приказанія гр. Панина велѣлъ закрыть лавку и прекратить продажу указа. Директоръ типографіи Рогге доложилъ Топильскому, что этотъ указъ долженъ быть помѣщенъ въ вѣдо-

мостяхъ слѣдующаго дня. По порядку издавна существующему одинъ экземпляръ каждаго нумера сенатскихъ вѣдомостей наканунѣ посылается въ канцелярію министра юстиціи, будто бы для прочтенія, и по возвращеніи въ типографію печатаются остальные экземпляры и разсылаются. Тобольскій приказалъ Рогге, для большей осторожности, вложить въ этотъ экземпляръ записочку о томъ что въ этомъ N° вѣдомостей находится указъ о порядкѣ совершенія записей и пр., для того чтобы правитель канцеляріи въ случаѣ сомнѣнія обратилъ на это обстоятельство вниманіе графа. Рогге въ точности исполнилъ это приказаніе, но N° былъ возвращенъ безъ замѣчаній и указъ напечатанъ въ сенатскихъ вѣдомостяхъ.

На слѣдующій день въ комитетѣ министровъ говорили что государь опасается, чтобы указъ не произвелъ дурнаго впечатлѣнія на народъ въ губерніяхъ. Гр. Панинъ объяснилъ, что опасаться нечего потому, что онъ остановилъ обнародованіе указа. Когда онъ узналъ что

указъ помѣщенъ въ сен. вѣд., бѣшенство его не знало границъ. Онъ приказалъ Топильскому отыскать виновнаго. Виновнаго и вины не было и гр. П. не могъ безъ нарушенія кореннаго закона и своихъ обязанностей остановить исполненіе опредѣленія сената, имъ самимъ пропущеннаго къ исполненію. Но въ министерствѣ юст. стоитъ выше всѣхъ законовъ правило, что гр. Панинъ не можетъ ошибаться. Онъ сказалъ что есть виновный, слѣд. надобно сыскать виновнаго. Топильскій придрался къ тому, что въ запискѣ приложенной къ пробному N° вѣдомостей Рогге не помѣстилъ, что она прилагается по приказанію "его превосходительства" и что отъ этого упущенія правитель канцеляріи не обратилъ на нее вниманія. Рогге былъ признанъ виновнымъ и не смотря на свои оправданія, по приказанію гр. Панина, долженъ былъ оставить мѣсто, которое занималъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ отличіемъ.

Должность генералъ-прокурора безспорно

самая важная должность въ внутреннемъ управленіи имперіи. Въ лицѣ его сходятся всѣ пружины государственнаго надзора за исполненіемъ законовъ: къ нему обращаются всѣ донесенія губернскихъ прокуроровъ; онъ преслѣдуетъ всѣ дѣла безгласныя, не имѣющія истца; онъ одинъ даетъ предложенія сенату и въ самомъ сенатѣ наблюдаетъ за правильнымъ и безпристрастнымъ примѣненіемъ закона; генералъ прокуроръ долженъ вступать въ борьбу съ беззаконіемъ, гдѣ-бъ оно ни проявилось, кто-бъ ни выставлялъ себя его защитникомъ. Понятно какую твердость характера, какую самостоятельность мнѣнія долженъ имѣть онъ, сталкиваясь ежедневно съ личными желаніями и побужденіями первыхъ особъ въ государствѣ, съ своекорыстіемъ и самовластіемъ частныхъ и правительственныхъ лицъ. Никто не долженъ быть ближе его къ довѣрію монарха; потому что онъ по званію своему имѣетъ тѣмъ болѣе враговъ, чѣмъ добросовѣстнѣе дѣйствуетъ въ защиту закона: "чинъ его зѣло ненавистенъ" по

выраженію Петра великаго; онъ долженъ быть не только ненавистенъ, но и страшенъ всякому нарушителю закона, ктобъ ни былъ, на какой бы ступени управленія ни стоялъ этотъ нарушитель. Трудно, почти невозможно одному человѣку вынесть такую борьбу со всѣми высшими и нижними нечистыми силами: кто хочетъ выдержать ее съ успѣхомъ, дѣйствуя только отъ своего лица, тотъ необходимо вынужденъ будетъ дѣйствовать посредствомъ насилія и самовластія, то есть подъ видомъ заботы о соблюденіи закона непрестанно станетъ нарушать его: это было бы противно самому существу правды и закона; при такихъ условіяхъ скоро чинъ генералъ-прокурора сдѣлался бы ненавистенъ всѣмъ одинаково: честнымъ людямъ столько же сколько и врагамъ порядка.—По существу своего званія, генералъ-прокуроръ можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ пользу закона не своимъ лицомъ, не посредствомъ личнаго управленія, а посредствомъ сената, съ которымъ составляетъ нераздѣльное цѣлое. Отдѣливъ себя отъ се-

ната, онъ лишится всей своей силы и скоро долженъ будетъ или отказаться отъ борьбы съ личностями, или сдѣлаться уклончивымъ угодникомъ лицъ и обстоятельствъ: тогда генералъ-прокуроръ станетъ на равнѣ со всѣми министрами и спасительный надзоръ за исполненіемъ закона превратится въ механическую бумажную работу, производимую отъ имени министра начальниками отдѣленія и столоначальниками департамента. Этого кажется не поняли, или не хотѣли понять тѣ, по чьему внушенію должность генералъ-прокурора соединена была съ должностью министра юстиціи. Не поняли того, что судъ не можетъ и не долженъ состоять подъ вѣденіемъ никакого министерства, а долженъ составлять въ государствѣ власть особую, независимую, для того чтобъ могъ соотвѣтствовать своему назначенію, что генералъ-прокуроръ долженъ быть лицо единственное въ государствѣ, совершенно отдѣльное и независимое отъ министровъ завѣдывающихъ разными частями управленія. Ошибка сдѣлана была важная

и еще въ то время опытный взглядъ госуд. человѣка могъ предвидѣть, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, министръ юстиціи поглотитъ генералъ-прокурора, сенатъ лишившись дѣйствительнаго генералъ-прокурора пріобрѣтетъ себѣ врага въ министрѣ юстиціи, и надзоръ за исполненіемъ законовъ превратится въ бумажное канцелярское дѣло, въ министерскую игру, въ политическую сдѣлку разныхъ властей между собою.

Такъ и случилось: первые министры юстиціи были еще воспитаны на преданіяхъ прежняго времени: они еще дорожили сколько нибудь внутреннимъ значеніемъ генералъ-прокурорской власти, цѣнили еще ту нравственную силу, которую давала имъ неразрывная связь генер.-прокурора съ сенатомъ, видѣли еще во власти сенатской вѣрнѣйшее обезпеченіе своей собственной власти. Но къ несчастію Россіи утвердился на министерствѣ юстиціи гр. Панинъ, человѣкъ воспитавшійся въ отчужденіи отъ практической жизни, незнакомый съ духомъ прежнихъ учрежденій

Россіи, безъ твердыхъ понятій о сущности новаго своего званія и объ интересахъ отечества, съ которымъ никогда не имѣлъ живой нравственной связи. * По тѣмъ чертамъ его характера и направленія, на которыя мы указали, было можно судить какія понятія о правдѣ и законности внесъ онъ съ собою въ свое министерство. Такой эгоистической исключительной натурѣ, какова натура гр. Панина, свойственны только узкіе, мелкіе взгляды царедворца и чиновника: взгляды широкіе, виды государственные, для нея недоступны. Безъ всякой идеи о равновѣсіи властей государственныхъ, гр. Панинъ одно только имѣетъ въ виду, объ одномъ заботится — о томъ какъ бы поддержать свою власть, какъ бы пріурочить къ своей личности всѣ органы судебной власти и всѣ ея силы сосредоточить въ одномъ себѣ. Развиваясь далѣе и далѣе въ одномъ только этомъ направленіи, онъ дошелъ наконецъ до какого-то фанатическаго вѣрованія въ себя, въ свою непогрѣ-

* Молодость свою гр. Панинъ провелъ внѣ Россіи.

шимость, въ свое величіе: удалясь отъ живыхъ людей и отъ живаго дѣла въ какое то святилище ни для кого недоступное, онъ оттуда управляетъ своимъ министерствомъ посредствомъ мертвыхъ бумагъ, ордеровъ и вѣдомостей. Вся сила его въ неподвижности и безгласности, которую отстаиваетъ онъ, какъ мы видѣли всѣми возможными способами.

Понятно, что такой министръ юстиціи сразу долженъ былъ стать въ враждебное отношеніе къ коллегіи, которая несходясь въ кругѣ его дѣйствій могла по праву почитать себя ему не подчиненною. Онъ не могъ или не рѣшился уничтожить ее, вычеркнуть сенатъ изъ ряду государственныхъ учрежденій Россіи; но въ рукахъ его были всѣ средства личной власти для того, чтобы нравственно унизить сенатъ, опутать его сѣтями, сдѣлать физически невозможнымъ независимое его дѣйствіе, приковать его къ системѣ личнаго министерскаго управленія всѣми этими средствами гр. Панинъ воспользовался и надобно сказать правду,— достигъ своей цѣли.

Мы уже замѣтили, что, еще при императорѣ Александрѣ, съ учрежденіемъ госуд. совѣта и министерствъ, сенатъ фактически пересталъ быть первымъ правительственнымъ мѣстомъ въ государствѣ. Непосредственныя отношенія его къ императорской власти мало по малу исчезли, или превратилась въ пустую форму всеподданнѣйшихъ докладовъ; точно также мало по малу начало превращаться въ пустую форму и непосредственное назначеніе сенаторовъ высочайшею властью. Въ обществѣ явилось уже мнѣніе, что въ сенатъ, какъ въ кладовую или архивъ, сдаютъ людей старыхъ или мало способныхъ; но, повторяемъ, все еще держались преданія стараго времени. Министры въ отношеніяхъ къ сенату не доходили еще до того циническаго пренебреженія до котораго дошли въ послѣдствіи. Изъ числа стариковъ, доканчивавшихъ въ сенатѣ свою карьеру, многіе принадлежали къ числу людей когда то блиставшихъ на службѣ и въ обществѣ, людей съ знатнымъ именемъ и съ большимъ состояніемъ, слѣдовательно потому само-

му находились въ положеніи независимомъ, но далеко не всѣ могли почитаться судьями не способными. Званіе сенатора было еще однимъ изъ самыхъ почетныхъ въ государствѣ; государь зналъ лично почти всѣхъ и каждый могъ еще обращаться къ нему безъ посредника. Правда, что канцелярія сената имѣла на дѣла значительное вліяніе, что дѣло-производители не отличались честностью: но таково было съ незапамятныхъ временъ устройство всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи. Самыя министерства, какъ прежде такъ и нынѣ, покоряются тому же закону исторической необходимости. Важно было именно коллегіяльное устройство сената, важно было болѣе или менѣе независимое положеніе членовъ; важно было то, что не приказаніе начальника, а слово: законъ—служилъ осью, около которой вращались колеса цѣлой машины. Положимъ, что это слово нерѣдко оставалось пустымъ звукомъ, или поводомъ къ прикрытію беззаконія, министръ могъ бы еще многое улучшить въ этомъ отношеніи, улучшивъ составъ

канцеляріи; но все таки, повторяемъ, драгоцѣнно то, что въ сенатѣ присужденія о высшихъ вопросахъ и лицахъ управленія было совѣщаніе, въ которомъ и сенаторъ, и оберъ-прокуроръ и даже оберъ-секретарь могли безотвѣтственно выражать свое мнѣніе, каждый въ формѣ присвоенной его званію, опираясь на законѣ.

Только со вступленіемъ гр. Панина въ управленіе министерства юстиціи началось систематическое униженіе сената и сенатской власти; при немъ только,— и благодаря ему, неспособность сенатора вошла въ пословицу и оправдалась на дѣлѣ. Дѣла высшаго управленія принадлежатъ какъ извѣстно къ вѣдомству 1-го департамента сената, слѣдовательно въ немъ безпрерывно встрѣчаются случаи столкновенія сената съ министрами и главными лицами управленія, случаи въ которыхъ сенату принадлежитъ рѣшительное слово. Но такого рѣшительнаго слова гр. Панинъ ни за что не допуститъ въ сенатъ. Онъ употребляетъ I-й д-ть исключительно, какъ

средство для сохраненія своихъ хорошихъ отношеній къ прочимъ министрамъ. При назначеніи оберъ-прокуроровъ въ I-й д-тъ, гр. Панинъ обыкновенно говоритъ имъ: надѣюсь, вы раздѣляете мое мнѣніе, что въ Россіи можетъ быть одна только власть государя, а сенатъ не есть власть. Вотъ образчикъ государственныхъ понятій гр. Панина о равновѣсіи властей; на дѣлѣ онъ вполнѣ осуществляетъ его, и, подъ прикрытіемъ высочайшаго имени, нарушаетъ законъ непрерывно; такимъ образомъ въ сущности единая власть признаваемая имъ теряетъ дѣйствительное значеніе и уступаетъ мѣсто самовластію личностей, употребляющихъ во зло монаршую силу и монаршее слово.— Естественно, для осуществленія своего идеала въ сенатѣ, гр. Панинъ нуждался только въ людяхъ неспособныхъ, уклончивыхъ и безхарактерныхъ, не имѣющихъ никакой самостоятельности, либо вовсе раболѣпныхъ. Такими членами мало по малу наполнилъ онъ присутствіе сената; въ I-мъ д-тѣ сената по необходимости

долженъ былъ онъ на время удерживать людей съ нѣкоторымъ значеніемъ, но теперь и тамъ едвали уже остается хотя одинъ сенаторъ самостоятельный. Теперь всѣ департаменты сената наполнены людьми темными, невѣжественными, не имѣющими никакого понятія о законѣ, правителями министерскихъ канцелярій, неспособными губернаторами, дивизіонными генералами окончившими свою служебную карьеру, людьми, которые воспитавшись на военной дисциплинѣ и на служеніи лицамъ, безъ труда привыкли къ мысли видѣть въ министрѣ Юстиціи своего начальника, а въ себѣ чиновниковъ отъ него зависящихъ. Самыхъ неспособнѣйшихъ гр. Панинъ принялъ за правило назначать къ присутствованію и въ первоприсутствующіе въ Москву; понятно что издали ему труднѣе было бы управляться съ московскими сенаторами, еслибъ не было такого различія. Законъ объявляетъ сенаторовъ въ положеніи независимомъ, отношенія ихъ къ императ. власти непосредственными; а на дѣлѣ министръ

Юстиціи сдѣлалъ себя единственнымъ ихъ милостивцемъ и надобно сказать, что этимъ положеніемъ своимъ пользуется онъ безсовѣстно, съ произволомъ доходящимъ до цинизма. Сенаторъ по семейнымъ обстоятельствамъ своимъ заявляетъ желаніе присутствовать въ Петербургѣ или въ уголовномъ д-тѣ: одного этого желанія достаточно для того, чтобъ гр. Панинъ назначилъ его въ Москву, или въ гражданскій д-тъ, прикрываясь волею государя, который ничего о томъ не вѣдаетъ. Подъ прикрытіемъ той-же высочайшей воли гр. Панинъ часто переводитъ ихъ по своему произволу изъ департамента въ д-тъ, отъ однихъ дѣлъ къ другимъ совсѣмъ иного свойства (напр. сенаторъ Гевличъ въ продолженіи 6 лѣтъ находился въ 6 розныхъ д-тахъ).— Сенаторъ проситъ министра доложить государю объ увольненіи его въ отпускъ: министръ отказываетъ рѣшительно. * Сенаторъ при на-

* Изъ множества примѣровъ—вотъ одинъ, извѣстный всему Петербургскому чиновному миру. Одинъ сенаторъ, страдая каменною болѣзнію и не имѣя въ виду въ Пе-

ступленіи вакантнаго времени объявляетъ желаніе воспользоваться отдыхомъ въ теченіи первой половины ваканта: министръ увольняетъ его по высочайшему повелѣнію—на вторую, или оставляетъ присутствовать на обѣ. Сенаторъ пріѣзжаетъ къ министру: министръ не принимаетъ его, или обращается съ нимъ презрительно. Спросятъ: какъ же сенаторы терпятъ такое обращеніе? Но не забудемъ, что сенаторы назначаются большею частію по выбору, или съ согласія гр. Панина, что выборъ его почти всегда падаетъ или на людей, которые ему одолжены карьерою и средствами къ жизни, или на людей неспособныхъ, ничтожныхъ и робкихъ душою. Съ

тербургѣ искуснаго оператора (Пирогова не было), просилъ гр. Панина объ исходотайствованіи ему отпуска за границу, или въ Москву, или перевода въ Москву, или наконецъ назначенія въ Москву во время ваканта. Гр. Панинъ рѣшительно отказалъ ему, но совѣтовалъ оставить на время службу, обѣщая по выздоровленіи исходотайствовать ему прежнее званіе. Сенаторъ послѣдовалъ совѣту гр. П., но когда, по выздоровленіи, обратился къ нему съ просьбой объ исполненіи даннаго обѣщанія, то получилъ отказъ.

такимъ человѣкомъ, который назначенъ мимо его, по личному выбору высочайшей власти, и самъ имѣетъ къ ней доступъ, гр. Панинъ конечно никогда не позволитъ себѣ неприличнаго обращенія. За тѣмъ остаются не многія личности, имѣющія уваженія къ себѣ, но не имѣющія внѣшнихъ средствъ для того, чтобъ принудить и гр. Панина къ такому же уваженію. Что остается имъ дѣлать? жаловаться? Но кому принесутъ они жалобу, если она должна пройти черезъ руки того же гр. Панина? Бывали случаи, что сенаторъ, оскорбленный неприличнымъ обращеніемъ гр. Панина, обращался лично съ письмомъ къ государю; а государь удовлетворялъ просьбу, на которую гр. Панинъ отвѣчалъ неприличнымъ отказомъ. Но если цѣль подобнаго письма была не столько удовлетвореніе просьбы, сколько жалоба на поведеніе гр. Панина,— то цѣль эта никогда не достигалась; не такъ легко устроить, чтобы письмо было прочитано самимъ государемъ: по большей части оно переходитъ отъ государя въ руки людей, имѣ-

ющихъ одинаковые интересы или одинаковый взглядъ съ гр. Панинымъ. Тонильскій съѣздитъ нѣсколько разъ для переговоровъ и дѣло оканчивается обыкновенно тѣмъ, что или разрѣшеніе жалобы предоставляется томуже гр. Панину, на котораго она принесена, или просителю дается отвѣтъ, составленный съ извѣстною канцелярскою уклончивостію.

Если министръ имѣетъ такое низкое понятіе о должности сенатора, что представляетъ къ занятію ея людей неспособныхъ,— если имѣетъ такъ мало уваженія къ личности каждаго сенатора, то можно себѣ представить какое понятіе долженъ имѣть онъ вообще о достоинствѣ сената. Какъ бы ни были добросовѣстны судьи, они должны потерять всякую энергію, видя что рѣшенія ихъ не уважаются, указы неисполняются и нѣтъ средствъ принудить къ исполненію. Губернскія правленія и губернаторы смѣются надъ указами сената, потому что сенатъ не имѣетъ права сдѣлать имъ и простой выговоръ безъ высочайшаго разрѣшенія; а представленіе опредѣленія черезъ

комитетъ министровъ обставлено такими формальностями, что канцеляріи заваленныя перепиской избѣгаютъ всѣхъ подобныхъ случаевъ. Замѣчаніе губ. правленію можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ съ согласія министра юстиціи, который держитъ такія опредѣленія безъ пропуска по нѣскольку мѣсяцевъ. И наконецъ если удастся пройти съ выговоромъ или замѣчаніемъ чрезъ всѣ мытарства,— какую силу будетъ имѣть взысканіе, не влекущее за собою никакихъ послѣдствій? Выговоры и замѣчанія безпрерывно дѣлаетъ сенатъ гражд. палатамъ, но палаты давно уже привыкли къ нимъ. Сенатъ требуетъ донесенія, подтверждаетъ, настаиваетъ: губ. правленіе, или палата молчитъ, иногда цѣлый годъ или болѣе; законъ предоставляетъ въ такомъ случаѣ послать нарочнаго на счетъ виновныхъ—средство самое дѣйствительное; но министръ юстиціи самовольно присвоилъ себѣ право требовать къ разсмотрѣнію всѣ опредѣленія о посылкѣ нарочныхъ; продержавъ такое опредѣленіе нѣсколько мѣсяцевъ, онъ обыкновенно воз-

вращаетъ его, предлагая назначить еще срокъ для доставленія рапорта... Мы не преувеличиваемъ: такова дѣйствительно система, принятая Панинымъ въ послѣднее время; что же можно видѣть въ ней кромѣ тупаго, упрямаго желанія унизить власть сената и ослабить всѣми способами самостоятельную его дѣятельность. Частныя лица изумляются ослушанію присуд. мѣстъ, раздражаются на сенатъ, обвиняютъ сенатъ въ бездѣйствіи, ссылаясь на законъ о власти сената; не знаютъ они, частныя лица,— что сенатъ не виноватъ тутъ нисколько и что министръ юстиціи, блюститель закона, давно спряталъ въ свой карманъ законъ, который не пришелся ему по нраву.

Въ отношеніи къ генералъ-губернаторамъ министръ юстиціи не допускаетъ никакой отвѣтственности передъ сенатомъ, о министрахъ и говорить нечего. Министры, по его мнѣнію, не обязаны давать сенату ни малѣйшаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. По одному дѣлу, по которому было истребовано мнѣніе отъ гр. Клейнмихеля, сенатъ согласился въ существѣ

съ этимъ мнѣніемъ, но замѣтивъ, что оно не представлялось въ теченіи 10 лѣтъ, опредѣлилъ: поручить графу Клейнмихелю собрать свѣденія о причинѣ такой медленности и представить ихъ въ сенатъ. И эти уклончивыя выраженія показались Клейнмихелю оскорбленіемъ; онъ взбѣсился и на слѣдующій же день въ комитетѣ министровъ излилъ свою ярость на Илличевскаго, управлявшаго въ то время министерствомъ юстиціи. "Посмотрите,— сказалъ онъ, держа указъ и тряся имъ передъ испуганнымъ Илличевскимъ, посмотрите: вашъ сенатъ осмѣливается присылать мнѣ такіе указы. Вотъ я покажу, я поѣду къ государю," и пр. что же сдѣлало министерство! Указъ оставили безъ дѣйствія; для утоленія Клейнмихелева гнѣва оберъ прокурору, пропустившему правильное опредѣленіе, сдѣланъ былъ выговоръ; а секретарь, у котораго производилось дѣло, долженъ былъ перейти въ другое министерство. Панинъ, по возвращеніи изъ отпуска, пришелъ также въ негодованіе на сенатъ и немедленно разослалъ циркуляры, которыми

предписывалось представлять къ нему всѣ опредѣленія, которыми заключено требовать отъ министровъ объясненій.—

За исключеніемъ дѣлъ, которыми лично интересуется гр. Панинъ, всѣмъ остальнымъ дѣламъ предоставляетъ онъ разрѣшиться какъ случится. Онъ лѣнивъ по природѣ своей во всемъ томъ, въ чемъ обязанъ быть дѣятеленъ по долгу; гр. Панинъ занимается тщательно только дѣлами, переходящими въ государ. совѣтъ, потому что въ совѣтѣ не можетъ уже быть безгласнымъ. По недостатку юридическихъ познаній это занятіе составляетъ для него весьма тяжкій трудъ, прерывающій любимое его упражненіе—чтеніе журналовъ и газетъ. По этому онъ старается и слѣдовательно побуждаетъ своихъ подчиненныхъ стараться, чтобы сенаторы соглашались съ его предложеніями. Для достиженія этой цѣли употребляются уловки всякаго рода. При прежнихъ министрахъ предложенія печатались и разсылались къ сенаторамъ, вмѣстѣ съ ихъ

мнѣніями, за нѣсколько дней до доклада, дабы они имѣли время сообразиться. Гр. Панинъ измѣнилъ этотъ порядокъ. Предложенія, иногда въ числѣ 10, посылаются къ оберъ-прокурору, за часъ или за полчаса до доклада. Сенаторъ читаетъ сперва мнѣнія сенаторовъ (либо вовсе нечитаетъ ихъ) потомъ предложеніе; сенаторы, слушавшіе дѣло за нѣсколько мѣсяцевъ, не могутъ ни припомнить всѣхъ обстоятельствъ, ни сообразить своихъ мнѣній съ предложеніемъ, которое вдобавокъ весьма часто прочитывается тихимъ голосомъ и вообще дурно или съ разсчетомъ растянуто на нѣсколькихъ десяткахъ листовъ. Разсчетъ вѣренъ: безсмысленное чтеніе, продолжающееся иногда по нѣскольку часовъ, до того утомляетъ зѣвающихъ старцевъ, что они ради только избавиться скорѣе отъ мученья и соглашаются съ предложеніемъ. Когда не составляется надлежащаго большинства голосовъ въ пользу предложенія, то оберъ прокурору объявляется приказаніе графа уговоривать сенаторовъ отступить отъ своего

мнѣнія и многіе на это соглашаются, опасаясь непріятностей отъ министра. Когда большинство голосовъ составилось по многимъ предложеніямъ, оберъ-прокуроръ получаетъ чрезъ Топильскаго письменное изъявленіе признательности министра за успѣшный докладъ предложеній!

Въ министерствѣ дѣла разсматриваются на консультаціи, членами которой опредѣляются люди, не имѣющіе никакихъ юридическихъ познаній. Предсѣдательствуетъ здѣсь генералъ-маіоръ Языковъ, бывшій полицеймейстеръ въ Ригѣ. Въ одно засѣданіе здѣсь докладывается до 20 печатныхъ записокъ, изъ которыхъ многія нерѣдко разсылаются къ членамъ для прочтенія за недѣлю, а иногда только за день до доклада; не имѣя времени ихъ прочесть, члены пробѣгаютъ мнѣнія сенаторовъ и обыкновенно соглашаются съ докладчикомъ: оберъ-прокуроры, теряя цѣлое утро въ засѣданіи, спѣшатъ только скорѣе отъ него отдѣлаться, общее вниманіе возбуждается только гласными дѣлами, или тѣми, которыми

министръ интересуется. Вообще засѣданія эти имѣютъ видъ наряднаго представленія,—изъ этого представленія родятся однакоже предложенія министра; немудрено что съ перемѣною докладчиковъ каждый разъ мѣняется взглядъ министра на дѣло, а докладчиковъ министръ мѣняетъ безпрерывно; важнѣйшіе вопросы получаютъ на консультаціи разрѣшеніе по мнѣнію людей молодыхъ, вовсе не свѣдущихъ въ судебной практикѣ; уголовныя дѣла поручаются докладчикамъ, знающимъ только гражданское право и на оборотъ; отъ того случилось, что въ одномъ засѣданіи общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ слушались по одному и томуже вопросу два предложенія, изъ коихъ одно было противоположно другому; это очень дико, но еще удивительнѣе, что нѣкоторые сенаторы соглашались съ каждымъ предложеніемъ!

Посмотримъ на канцелярію сената: страшно подумать, что сдѣлалъ изъ нея гр. Панинъ. Надобно сказать правду: при вступленіи въ управленіе министерствомъ онъ нашелъ ее

въ незавидномъ положеніи; много было въ ней людей способныхъ и это весьма естественно, потому что въ судебномъ дѣлѣ способные дѣятели всего скорѣе выказываютъ себя и успѣваютъ сдѣлаться необходимыми; но честныхъ дѣлопроизводителей было очень мало. Оберъ секретари, секретари и помощники ихъ, всѣ посѣдѣвшіе въ сенатскомъ дѣлѣ, всѣ почти вышедшіе изъ рядовъ приказныхъ, работали болѣе на себя, чѣмъ на дѣло государственное. Многіе торговали открыто правосудіемъ сената; понятіе о честности совпадало съ правомъ—на благодарность; немногіе возвышались до чистой идеи о честномъ и добросовѣстномъ трудѣ: то были уже явленія рѣдкія, натуры исключительныя. Таковъ составъ канцеляріи во всѣхъ нашихъ судебныхъ мѣстахъ, но въ сенатѣ менѣе чѣмъ гдѣ нибудь можно было съ нимъ помириться. Старымъ элементамъ приказной службы только и было мѣсто: новому свѣжему поколѣнію не давали ходу старые дѣлопроизводители, до тѣхъ поръ, пока и новое ненастроивалось на одинъ ладъ со

старымъ. Молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ, по закону должны были прослужить нѣсколько лѣтъ въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ и, когда попадали послѣ того въ сенатъ, то поневолѣ обращались въ тѣхъ же людей старой школы; трудно было и ожидать иного результата, потому что каждый молодой человѣкъ долженъ былъ однако пробиваться къ должности, сколько нибудь самостоятельной, годами чёрной работы и терпѣнія и надежду на успѣхъ и примѣры для дѣятельности долженъ былъ видѣть въ людяхъ съ приказными понятіями о служебной нравственности. Въ это время появились первые выпуски изъ училища правовѣденія, которое по первоначальному плану должно было приготовлять молодыхъ людей для сенатской службы. Многіе, и самъ гр. Панинъ смотрѣли тогда съ какимъ то недовѣріемъ на незванныхъ пришельцевъ, явившихся перебивать мѣста въ сенатѣ, но вскорѣ взглядъ Панина перемѣнился и онъ началъ давать ходъ по своему вѣдомству людямъ новаго поколѣнія. Самому ли ему

принадлежитъ эта мѣра, или постороннее вліяніе навело его на нее, во всякомъ случаѣ это была мѣра добрая и здравая. Но къ сожалѣнію въ послѣдствіи оказалось что и здѣсь гр. Панинъ не измѣнилъ своему свойству дѣлать все на перекоръ здравому смыслу, не обращая вниманія на условія дѣйствительности.

Въ первое время покуда гр. Панина окружали еще люди, которые могли имѣть на него доброе вліяніе, или умѣли противодѣйствовать его фантазіямъ, обнаружились благодѣтельныя послѣдствія новой системы. Министерство юстиціи и сенатъ стали наполняться людьми молодыми, получившими образованіе въ университетахъ, и въ училищѣ правовѣденія. Робко и нерѣшительно начинали они свою карьеру, встрѣчая противодѣйствіе въ массѣ стараго поколѣнія, окружавшей ихъ со всѣхъ сторонъ, не раздѣлявшей ихъ образа мыслей, смѣявшейся надъ ихъ служебной невинностью, ненавидѣвшей ихъ за то предпочтеніе, которое имъ явно оказывали. Но по мѣрѣ того какъ прибывало число новыхъ пришельцевъ, связан-

ныхъ между собою духомъ корпораціи и товарищества, укрѣплялись силы ихъ внѣшнія и внутреннія, а силы противниковъ слабѣли. Новое поколѣніе, раздѣлилось на группы, состоявшія въ общей связи, поддерживавшія другъ друга и поддерживаемыя сверху неизмѣннымъ покровительствомъ министерства.

Покровительство это оправдывалось въ глазахъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей тою доброю мыслью, которую думали видѣть въ немъ: оно не превратилось еще въ насильственную запретительную систему, въ которой одному классу отворена широкая дорога, а всѣмъ другимъ заперта безусловно. Молодые люди, одушевленные на первый разъ и мыслью о своемъ призваніи и духомъ товарищества, не успѣли еще пріобрѣсть опасной вѣры въ свое безусловное превосходство. Каждый долженъ былъ трудомъ и способностью доставать себѣ мѣсто и значеніе, каждый вступая въ службу не довѣрялъ еще своимъ силамъ, а искалъ около себя наставника и руководителя.....Нашлось нѣсколько почтенныхъ людей,

которые взяли на себя эту благородную обязанность, и около этихъ то руководителей успѣли образоваться группы молодыхъ людей, работавшихъ съ одушевленіемъ и любовью къ дѣлу; скоро министерство юстиціи могло похвалиться, что ни въ одномъ министерствѣ нѣтъ такого количества людей способныхъ и свѣжихъ душою.

Сколько можно было бы ожидать прекраснаго отъ того начала, еслибъ гр. Панинымъ дѣйствительно руководствовала мысль и еслибъ онъ въ состояніи былъ понять, что всякое учрежденіе на мысли основанное, должно развиваться разумно и свободно. Послѣдствія показали, что, давая ходъ въ своемъ М-вѣ молодому поколѣнію, гр. Панинъ вводилъ только новыя формы вмѣсто старыхъ; казалось сначала, что къ старому дереву съ испорченными соками думаетъ онъ привить новые здоровые соки: оказалось, что онъ обрубалъ только старыя вѣтки и, не думая ни о какой прививкѣ, хочетъ механически примазать на старыя мѣста вѣтки, отрубленныя отъ другаго молодаго дерева.

Съ выходомъ Пинскаго изъ Д-та М-ва юстиціи обнаружилось, что гр. Панину надобны не люди, а исполнители приказаній, единицы для занятія мѣстъ. Изъ всего кабинета, отчужденный отъ всѣхъ кромѣ Тобольскаго, не разбирая ни труда, ни способности, не справляясь ни съ какими мѣстными потребностями, началъ онъ распредѣлять и разсылать по всей Россіи молодыхъ людей своего вѣдомства. Во всѣхъ этихъ назначеніяхъ не было никакого порядка и единственная мысль, которую позволительно угадывать въ нихъ—есть мысль уничтожить всякую самостоятельность отдѣльной личности, съ тѣмъ чтобы замѣнить ее мертвымъ механизмомъ формы, говоримъ позволительно, потому что такая мысль соотвѣтствуетъ вполнѣ изображенному нами характеру гр. Панина. Въ людяхъ новыхъ ничѣмъ не связанныхъ съ прошедшимъ, не успѣвшихъ еще привыкнуть къ самостоятельной дѣятельности и развить въ себѣ духовныя силы, которыя только въ трудѣ и разумной борьбѣ получаютъ крѣпость,

и привыкшихъ съ самаго начала своей службы видѣть въ ней свою карьеру, а въ министрѣ—свое провидѣніе,—въ такихъ людяхъ гр. Панинъ точно могъ надѣяться осуществить свою идею—личнаго управленія, изъ нихъ могъ онъ образовать цѣлый полкъ чиновниковъ, отмѣченныхъ одною печатью. Теперь никому уже не позволяется думать, что онъ полезенъ для службы, что онъ нуженъ, Топильскій прямо говоритъ: намъ люди не нужны, а людямъ нужны наши мѣста. Каждый долженъ убѣдиться, что онъ получаетъ мѣсто и сохраняетъ его единственно по милости гр. Панина, что онъ машина, устроенная для исполненія приказаній графа и Топильскаго, которую они могутъ во всякое время изломать и выбросить въ окно. Наполнивъ присутствіе сената людьми неспособными и ничтожными, гр. Панинъ сталъ назначать и на мѣста оберъ-прокуроровъ министерскихъ чиновниковъ, пріученныхъ почитать закономъ приказаніе министра, а благоволеніе его и Топильскаго мѣрою собственнаго достоинства, людей, которымъ служба

дала значеніе, для которыхъ испортить служебную карьеру казалось бы величайшимъ бѣдствіемъ. Онъ опуталъ ихъ цѣлою сѣтью ордеровъ и формальностей, сѣтью мелкихъ и неисполнимыхъ обязанностей, для того чтобы каждый изъ нихъ каждую минуту былъ подъ страхомъ отвѣтственности, страхомъ, который съ министерской точки зрѣнія долженъ замѣнять для чиновника совѣсть и чувство собственнаго достоинства. * Пріучивъ ихъ всего ожидать отъ

* Но смотря на 18 лѣтнее управленіе министерствомъ юст. гр. Панинъ не знаетъ въ точности, въ чемъ заключаются обязанности чиновниковъ, не можетъ судить объ ихъ достоинствѣ; не можетъ опредѣлить какое упущеніе важно, какое не заслуживаетъ вниманія, по этому взысканія никогда почти не бываютъ соразмѣрны винѣ. Въ м-вѣ юстиц. обязанности чиновниковъ столь многосложны, что нѣтъ никакой физической возможности исполнять ихъ во всей точности и нѣтъ чиновника, по части котораго не былобы неисправностей въ резстрахъ и безчисленныхъ вѣдомостяхъ, изобрѣтенныхъ гр. Панинымъ. Изъявленія удовольствія гр. Панина столь же неосновательны какъ и взысканія. Однажды онъ потребовалъ изъ одного д-та сената свѣденій о количествѣ дѣлъ рѣшеныхъ по каждой экспедиціи въ продолженіи недѣли; оказалось, что въ одной было рѣшено 10 дѣлъ а въ

себя, стѣсняя мало по малу и ту свободу дѣятельности, которую законъ предоставляетъ оберъ-прокурорамъ, гр. Панинъ отнялъ у нихъ даже право предоставленное закономъ—выбирать для опредѣленія на мѣста чиновниковъ, за дѣятельность которыхъ они обязаны отвѣчать по закону, и на убылыя мѣста началъ присылать имъ секретарей и столоначальниковъ, выбирая ихъ по спискамъ и по именамъ, безъ всякаго соображенія съ личными достоинствами и способностью:—департаменты сената наполнились молодыми людьми неизвѣстными ни министру, ни непосредственнымъ своимъ начальникамъ, никѣмъ не испытанными. Мудрено ли что почти всѣ эти молодые люди оказались вскорѣ ничего недѣлающими; не ихъ должно обвинять въ томъ, а пагубную безразсудную систему.

другой 30; оберъ секретарю послѣдней объявлена была признательность министра и онъ получилъ награду. Между тѣмъ въ первой экспедиціи производились дѣла обширныя и важныя, и она всегда отличалась дѣятельностью, а въ экспедиціи обратившей на себя вниманіе министра, производились дѣла мелкія и ничтожныя, которыхъ нетрудно было доложить до 30 въ одинъ день.

Вслѣдствіе этой системы воспитанники училища правовѣденія еще на школьной скамьѣ пріучаются думать о томъ, какое получатъ мѣсто и перестаютъ думать, что мѣсто добывается трудомъ и способностью; каждый годъ цѣлые десятки ихъ поступаютъ на готовыя мѣста, достающіяся имъ даромъ; прежняя робость замѣнилась самоувѣренностью, прежнее стремленіе къ дѣлу—стремленіемъ къ мѣсту и отличіямъ; прежнее желаніе узнать и научиться—желаньемъ жить въ праздности, подъ защитою министерства. Можно представить себѣ каково отъ того дѣламъ! Но министерство не заботится о дѣлѣ, лишь бы очищались бумаги и сводились итоги!—Грустно представить себѣ цѣлые ряды молодыхъ людей, которые только что покинувъ школьную скамью тотчасъ превращаются въ чиновниковъ, праздно наполняющихъ присутственное мѣсто; такими чиновниками гр. Панинъ стремится сдѣлать всѣхъ вновь выходящихъ воспитанниковъ училища правовѣденія. Поступая на готовыя мѣста, незнакомые съ дѣлопроизводствомъ, не при-

выкнувъ ни къ какому дѣлу, многіе изъ нихъ съ самого начала привыкаютъ относиться къ нему съ какимъ то презрѣніемъ и съ перваго раза становятся праздными формалистами. Между тѣмъ въ ихъ руки достается святое судебное дѣло, дѣло которое требуетъ—особливо при письменномъ производствѣ— труда терпѣливаго и усидчиваго, требуетъ живаго духа и смысла воспитаннаго трудомъ. Но можно себѣ представить какъ относится къ труду тотъ, кому все безъ труда достается. Министерство юстиціи при опредѣленіи на мѣста не различаетъ уже способныхъ и не-способныхъ, лѣнивыхъ и усердныхъ; всѣ воспитанники училища равны передъ нимъ, потому что оно ни одного не знаетъ и не заботится узнать и оцѣнить, распредѣляя ихъ по департаментамъ сената, безъ всякаго соображенія. Правда что они, большею частью, не берутъ взятокъ: отдадимъ этому качеству полную справедливость, но не забудемъ и того, что дешевая честность никому не приноситъ пользы, если наряду съ нею является праздность, безпорядокъ и равно-

душіе къ дѣлу. Впрочемъ и съ этой стороны послѣднее время представило нѣсколько примѣровъ того, что честность не на мысли основанная, есть честность не прочная :—къ сожалѣнію должно сказать, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ училища правовѣденія пошли по слѣдамъ стараго приказнаго поколѣнія. Прибавимъ, что это были большею частью молодые люди, отъ которыхъ сами товарищи всегда отворачивались съ презрѣніемъ: они никогда не попали бы на мѣста со вліяніемъ, еслибъ при назначеніи на мѣста гр. Панинъ сколько нибудь соображался съ личными качествами назначаемыхъ. Если когда нибудь, принимая подъ свое покровительство воспитанниковъ училища правовѣденія, гр.Панинъ руководствовался мыслью благородною—въ чемъ позволительно сомнѣваться— то въ настоящихъ его дѣйствіяхъ нѣтъ уже и слѣда этой мысли. Теперь это покровительство —какъ все, до чего касалась рука гр. Панина, превратилась въ пустую форму, безъ всякой мысли. Въ началѣ, сказали мы, покровительство это простиралось на всѣхъ

молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но около 1848 года гр. Панинъ внезапно почувствовалъ какую то ненависть къ университетамъ, особенно къ Московскому, въ которомъ всегда видѣлъ духъ какой-то строптивой самостоятельности; съ того времени онъ началъ мало по малу запирать входъ въ свое министерство студентамъ. Сколько разъ случилось, что оберъ-прокуроръ, заботясь объ устройствѣ своего д-та, представлялъ министру объ опредѣленіи способныхъ и дѣльныхъ людей, жаждавшихъ вырваться изъ душной атмосферы нашихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ опредѣлено студентамъ коснѣть згода послѣ выпуска. Отвѣтомъ на такое представленіе въ послѣдніе годы бывалъ почти всегда отказъ съ предписаніемъ—сыскать и представить на мѣсто кого нибудь изъ воспитанниковъ училища правовѣденія. Дошло до того, что года три тому назадъ всѣ оберъ-прокуроры получили отъ министра положительное предписаніе не представлять на мѣста никого, кромѣ воспитанниковъ училища правовѣденія. Министръ

не опасался отвѣтственности за это противозаконное распоряженіе: онъ зналъ, что никакая власть не спроситъ у него: по какому праву осмѣлился онъ ограничивать силу закона, который никому изъ кончившихъ курсъ въ высшихъ училищахъ не запираетъ дороги къ службѣ *.

Но этого мало, постоянное стремленіе гр. Панина поставить всѣхъ чиновниковъ въ безусловную отъ себя зависимость какъ матеріальную, такъ и въ нравственную, приковать къ своей особѣ всѣ силы и всѣ личности, своего управленія, это стремленіе увлекло его еще далѣе. Онъ первый подалъ примѣръ пагубной системы, которую въ послѣдние время съ его "тяжкой" руки приняли многіе министры, системы распоряжаться по произволу личностью чиновниковъ, переводя ихъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края имперіи въ другой:

* Бывали примѣры что м-во юст. отказывало отличнымъ университетскимъ кандидатамъ въ опредѣленіи на мѣста по тому соображенію, что они по формулярнымъ спискамъ значатся происходящими изъ податнаго состоянія.

законъ не представляетъ ни одному министру въ граждан. управленіи такого кабальскаго права надъ своими подчиненными, права, не спрашивая ихъ согласія отрывать ихъ отъ одного мѣста и ставить на другое. Такая система могла еще имѣть смыслъ въ 17 столѣтіи, когда думали частымъ перемѣщеніемъ воеводъ предупредить или уменьшить злоупотребленія. Къ судебному же управленію эта система никогда и не прилагалась у насъ до графа Панина: только въ его головѣ, лишенной здраваго государственнаго смысла, могла возникнуть мысль столь несчастная. И прежде приказное управленіе наше держалось дьяками, и нынѣ юриспруденція нашихъ присутств. мѣсть, при повсемѣстной неспособности судей, держится дѣлопроизводителями. Понятно, что въ судебномъ дѣлѣ необходимѣе чѣмъ во всякомъ другомъ знаніе закона и дѣловаго механизма, юридическая способность и опытность, близкое знакомство съ тою сферою, въ которой приходится дѣйствовать; отъ того у всѣхъ образованныхъ народовъ люди, посвятившіе себя

судебной карьерѣ, всегда цѣнились тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе каждый на своемъ мѣстѣ успѣетъ пріобрѣсть опытности и авторитета; вездѣ правительство заботилось, чтобы люди, признанные способными, оставались на своихъ мѣстахъ какъ можно долѣе, вездѣ оно дорожило дѣловою опытностію, пріобрѣтенною продолжительными занятіями одного и того же рода. Безумно было бы судебное дѣло, на разумѣ основанное, почитать трудомъ механическимъ, на который способенъ всякій, кого ни поставишь. Къ несчастью таково понятіе гр. Панина о святомъ дѣлѣ правосудія, которымъ онъ управляетъ. Сказываютъ, что, лѣтъ десять тому назадъ, одинъ изъ губ. прокуроровъ подалъ ему проэктъ, въ которомъ старался доказать, что чиновниковъ необходимо какъ можно чаще переводить съ мѣста на мѣсто. Мысль эта понравилась гр. Панину и съ тѣхъ поръ началъ онъ систематически разрушать судебный порядокъ въ Россіи безпрерывнымъ переводомъ чиновниковъ. Мало по малу эта склонность сдѣлалась у него страстью доходящею

иногда до невѣроятныхъ размѣровъ. Сколько разъ случалось что, сидя въ своемъ кабинетѣ, бралъ онъ въ руки печатное росписаніе чиновъ министерства юстиціи и открывъ гдѣ попало страницу отмѣчалъ карандашомъ то или другое имя. Это значитъ, что гдѣ нибудь въ углу Россіи несчастный прокуроръ, или товарищъ предсѣдателя палаты, долженъ со всѣмъ семействомъ, безъ всякого вспоможенія отъ казны, скрѣпя сердце ѣхать на другой край государства, оставляя домъ свой и все заведеніе: гр. Панинъ принялъ за правило давать денежное вспоможеніе только въ такомъ случаѣ, если разстояніе переѣзда болѣе 1,000 верстъ. Попробуй этотъ несчастный возражать; ему скажутъ извольте выходить въ отставку; попробуй просить, чтобъ его оставили: графъ Панинъ сочтетъ эту просьбу за ослушаніе, за оскорбленіе.*

* Гр. Панинъ любитъ дѣлать противное тому, о чемъ его просятъ: человѣка, имѣющаго родныхъ и осѣдлость въ Петербургѣ, онъ назначаетъ въ Москву и на оборотъ. Одно время онъ вздумалъ давать отпуски въ видѣ наградъ чиновникамъ, не просившимъ оныхъ и отказывать тѣмъ, которые имѣли въ нихъ надобность; кто получалъ отпускъ

Такъ случалось много, много разъ и пишущій эти строки бывалъ часто свидѣтелемъ отчаянныхъ и безплодныхъ усилій, которыя употребляли жертвы гр. Панина для того, чтобы подѣйствовать на его разсудокъ и сердце; онъ всегда оставался непреклоннымъ и предлагалъ просителю или повиноваться, или оставить службу. Трудно повѣрить, что въ иныя недѣли, когда сильнѣе разъигрывалась фантазія министра, онъ каждое утро поглощалъ по нѣскольку такихъ жертвъ въ своемъ кабинетѣ! Извѣстно что прокурорская должность состоитъ въ борьбѣ съ нарушителями закона. Гр. Панинъ, вѣрный своему взгляду, желаетъ чтобы дѣло прокурорское обходилось безъ всякаго пререканія съ губ. властями; потому всякое законное столкновеніе прокурора съ распоряженіемъ губернатора, какъ бы это послѣднее ни было беззаконно, кажется гр. Панину не прилич-

безъ просьбы и безъ нужды, тотъ уже не смѣлъ оставаться при дѣлахъ своихъ на все время отпуска; Топильской приказывалъ ему скрываться, чтобъ не показаться ослушникомъ противъ гр. Панина.—

нымъ. Обыкновеннымъ взысканіемъ за такую вину служитъ переводъ—на противоположный конецъ Россіи. Ни одинъ добросовѣстный прокуроръ не избѣгалъ еще столкновенія съ распоряженіями губернатора, потому что губернаторы по большей части привыкли не руководствоваться закономъ въ своихъ дѣйствіяхъ, привыкли покрывать своимъ авторитетомъ дѣйствія губ. правленій и подчиненныхъ властей. Можно себѣ представить по этому каково положеніе добросовѣстнаго прокурора подъ начальствомъ гр. Панина. Съ одной стороны законъ ставитъ ему въ обязанность—преслѣдовать нарушенія закона; съ другой м-во юстиціи смотритъ на всякій протестъ, какъ на нарушеніе оффиціальнаго молчанія, въ которомъ должны по мнѣнію его совершаться дѣйствія губернскихъ властей. Отъ того прокуроръ, который протестуетъ часто и не живетъ въ ладахъ съ губ. начальствомъ, скоро получаетъ у министра репутацію человѣка безпокойнаго и переводится, а тотъ кто равнодушно молчитъ и только пишетъ слово "читалъ" на журналахъ

присут. мѣстъ, почитается примѣрнымъ прокуроромъ. Прокурорскій надзоръ могъ бы имѣть самое благодѣтельное вліяніе на все губернское управленіе, служилъ бы вѣрнымъ обузданіемъ насилія и беззаконій, еслибъ министръ юст. поддерживалъ дѣйствія прокуроровъ въ защиту закона. Въ такомъ случаѣ министръ имѣлъ бы всю возможность наполнить мѣста прокурорскія людьми честными, добросовѣстными, знающими, съ благороднымъ стремленіемъ къ добру и законности: такихъ людей много было у него подъ рукою. Что жъ вышло? Люди самые благородные и ревностные къ благу упали духомъ, видя что вліяніе ихъ разрушается министромъ, который долженъ бы былъ ихъ поддерживать и что за всякимъ энергическимъ дѣйствіемъ въ защиту закона слѣдуетъ переводъ на другой конецъ Россіи. Трудно исчислить сколько гр. Панинъ погубилъ, или отнялъ у себя такимъ образомъ добросовѣстныхъ и способныхъ дѣятелей.

Той же системы перемѣщеній держится онъ и относительно сенатской канцеляріи: вотъ

чѣмъ объясняется жалкое положеніе, въ которомъ она теперь находится. Едва только успѣетъ оберъ-прокуроръ ознакомиться съ дѣлами и чиновниками своего департамента, привесть въ порядокъ дѣла, дать нѣкоторое единство юридическимъ взглядамъ, гр. Панинъ безумно переводитъ его въ другой д-ть, къ другимъ дѣламъ и личностямъ; того, кто цѣлую жизнь занимался уголовною частію и составилъ себѣ репутацію криминалиста-практика, не имѣя никакого понятія о дѣлахъ гражданскихъ, того гр. Панинъ переводитъ въ граждан. д-ть. Очищается ваканція оберъ-прокурора: гр. Панинъ почти всегда для замѣщенія ея придумываетъ самую сложную комбинацію: переведетъ на свободное мѣсто оберъ-прокурора изъ другаго д-та,—на его мѣсто возьметъ оберъ прокурора изъ третьяго, и такъ далѣе, и замѣчательно, что почти всегда человѣку постоянно занимавшемуся однороднымъ дѣломъ, поручается дѣло нисколько ему незнакомое.* Тоже самое дѣлается съ оберъ-

* Мы знаемъ примѣръ одного гражд. д-та, въ которомъ

секретарями и съ секретарями. Едва успѣвала образоваться въ д-тѣ подъ вліяніемъ опытнаго оберъ-прокурора, группа людей даровитыхъ и трудолюбивыхъ, едва успѣвали эти люди пріобрѣсть нѣкоторую устойчивость во взглядѣ на дѣла, опытность въ законахъ и нѣкоторый авторитетъ въ разрѣшеніи вопросовъ,—являлся гр. Панинъ съ своимъ разрушительнымъ вліяніемъ и вся группа распадалась: прежніе дѣятели уходили прочь, уступая мѣсто вновь присланнымъ чиновникамъ, которые, ничего не зная, не имѣя никакой опытности, должны были приступать къ трудному дѣлу; они не начинали еще учиться, а отъ нихъ уже зависѣло разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ, поставляющихъ нерѣдко въ затрудненіе опытнаго практика. Не трудно себѣ представить какъ разрѣшались эти вопросы — положимъ, что нѣкоторые изъ этихъ людей истратились учиться: и ихъ ожидала черезъ нѣсколько лѣтъ, или

въ теченіе 9-ти лѣтъ перемѣнилось до 11 оберъ-прокуроровъ, считая въ томъ числѣ временно исправлявшихъ должность.—

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вздумается гр. Панину, таже участь, которая постигла ихъ предшественниковъ; или сами они наскучивъ дѣломъ, котораго не умѣли и не хотѣли понять, скоро отправлялись искать себѣ блаженнаго бездѣйствія въ губернскія палаты на судейскихъ креслахъ.

И вотъ такою-то системой одинъ безумный человѣкъ успѣлъ въ теченіи какихъ нибудь семи-осьми лѣтъ довесть сенатъ до самаго бѣдственнаго положенія. Всѣ департаменты безъ исключенія разстроились, способные люди исчезли изъ сената, потому что добросовѣстному человѣку нѣтъ уже никакой возможности дѣйствовать въ томъ безпорядкѣ, до котораго дошло сенатское производство. На мѣста столоначальниковъ, на которыхъ лежитъ вся матеріяльная приготовительная работа, присылаются молодые люди, не имѣющіе ни склонности къ этой работѣ, ни умѣнья взяться за нее: и ихъ безпрерывно переводятъ. Секретари, поступая на мѣста, на томъ же основаніи и изъ тѣхъ же молодыхъ и неопытныхъ столоначаль-

никовъ, находятся въ томъ же положеніи. Оберъ-секретари, переводимые съ мѣста на мѣсто, ни на одномъ не успѣваютъ привыкнуть къ дѣлу, но каждый мало по малу смотритъ на свою должность, какъ на средство достигнуть другой, болѣе спокойной и выгодной. Оберъ-прокуроры, задавленные уже одною формальною перепиской, не успѣваютъ просматривать огромнаго количества опредѣленій. Человѣкъ бумажный, равнодушный къ внутреннему смыслу своей дѣятельности, легко примирится съ такимъ положеніемъ и, очищая исправно бумаги, да сводя цыфры итоговъ, можетъ служить, не опасаясь отвѣтственности: министерство будетъ имъ довольно, лишь бы все снаружи было шито да крыто. Но тотъ, кто привыкъ видѣть не одну бумажную работу въ дѣлѣ правосудія, поставленъ въ рѣшительную невозможность дѣйствовать добросовѣстно; невозможно такому человѣку принять на себя, кромѣ всей умственной, и всю матеріальную работу, при письменномъ производствѣ умножающуюся до невѣроятно-

сти. А вѣрныхъ помощниковъ онъ около себя не находитъ. Оффиціяльные помощники его большею частію люди или вовсе неспособные, или незнающіе; а не многіе люди, на которыхъ могъ бы онъ еще положиться, поставлены подобно ему каждый на своемъ мѣстѣ въ матеріальную невозможность дѣйствовать добросовѣстно: они скоро устаютъ и уходятъ прочь, не много еще осталось уголковъ сената, въ которыхъ по какому то счастливому случаю удержалось затишье, то есть сохранилась довольно долго группа людей дружно дѣйствующихъ; вообще же подвижной составъ сенатскихъ канцелярій, особенно въ гражданскихъ департаментахъ, таковъ, что должно еще удивляться какъ до сихъ поръ не остановилась испорченная машина правосудія. Взгляните на отчеты министра юстиціи: всѣ итоги подведены удивительно вѣрно: но какая страшная оффиціяльная ложь скрывается подъ этой гладкой поверхностію! Для того, чтобы обнаружить ее, надо заглянуть въ будничную жизнь судебныхъ мѣстъ; надо посмотрѣть на это

присутствіе, составленное изъ людей лишенныхъ и юридическаго смысла, и понятія о законахъ, и уваженія къ нимъ; надобно послушать эти доклады, по которымъ нерѣдко въ 3 четверти часа разрѣшается тридцать, сорокъ дѣлъ, составляющихъ тысячи листовъ писаной бумаги, на этихъ дѣлопроизводителей, которые съ важностію распоряжаются правами частныхъ лицъ, не имѣя твердаго убѣжденія въ вѣрности рѣшенія. И точно въ этихъ рѣшеніяхъ сего дня у одного производителя названо чернымъ то, что завтра у другаго будетъ бѣлымъ; всякое дѣло имѣетъ судьбу свою и эта судьба зависитъ отъ случая, отъ ходатайства, отъ денегъ, рѣдко — рѣдко отъ того что дѣло попадется въ руки человѣку опытному въ судебной практикѣ, но и это правильное мнѣніе одного человѣка, если оно не поддерживается доктриною,—или покрайней мѣрѣ юридическимъ смысломъ сословія,— представляется тоже случайнымъ, одинокимъ явленіемъ. Нѣтъ такого справедливаго дѣла, которое не могло бы быть проиграно; нѣтъ

такого беззаконнаго дѣла, которое не могло бы быть выиграно, потому что нѣтъ твердыхъ началъ, по которымъ законное отличается отъ незаконнаго. Не мудрено, что находится не мало охотниковъ ловить рыбу въ мутной водѣ сенатскаго правосудія.

Повторяемъ съ увѣренностію: всѣ годовые отчеты, представляемые государю гр. Паниным, состоятъ изъ фальшивыхъ цыфръ, сочиняемыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ случаѣ надобности измѣняемыхъ въ д-тѣ министерства. Достоинство присут. мѣстъ опредѣляется преимущественно количествомъ доложеныхъ дѣлъ; по этому присутствующіе и начальники канцелярій употребляютъ различныя средства для того, чтобы къ концу года не оставалось дѣлъ не доложенныхъ. Дѣла, по которымъ не успѣли сочинить записки, докладываются на словахъ, или по нимъ даются слѣдующія резолюціи: "по обширности дѣла сочинить записку,"—или даже "доложить послѣ праздниковъ"—и такія дѣла не считаются недоложенными. Для той же

цѣли требуются не нужныя справки о всякихъ дѣлахъ, не исключая арестантскихъ) и т. под. Иногда въ послѣдніе дни года докладывается по 50 уголовныхъ дѣлъ въ одно присутствіе и по всѣмъ утверждаются ревизуемыя рѣшенія; но послѣ представленія отчета, изъ этихъ дѣлъ составляются записки и они слушаются вторично.

Въ теченіе 18 лѣтняго управленія гр. Панина министерствомъ юстиціи сколько было произведено ревизій, сколько представлено проэктовъ для преобразованія всѣхъ частей онаго, — а между тѣмъ не послѣдовало ни одной полезной перемѣны! Гр. Панинъ ежегодно доноситъ государю, что при его наблюденіи министерство юстиціи постепенно улучшается и доказывалъ это своими фальшивыми вѣдомостями. За тѣмъ возможно ли ожидать, чтобы онъ теперь рѣшился сознаться, что оно съ каждымъ годомъ приходило въ большее разстройство и можно ли надѣяться на добросовѣстное содѣйствіе его въ преобразованіи судебной части?

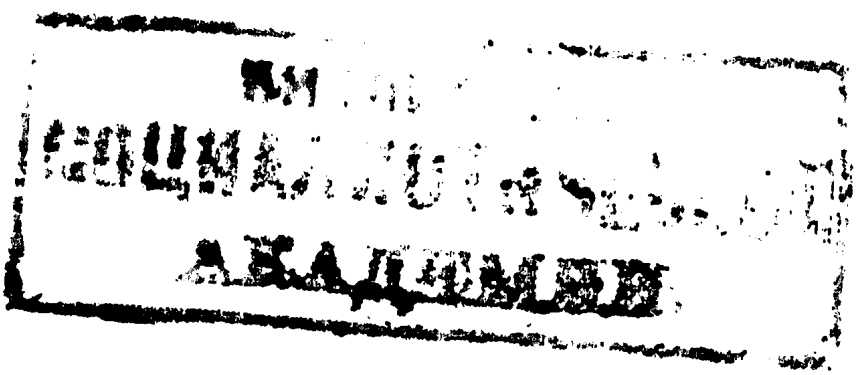
Таково несчастное положеніе Сената и всего министерства юстиціи. Въ послѣдніе три года изъ него выбыла большая часть людей способныхъ и полезныхъ для службы; остальные конечно воспользуются первымъ случаемъ перейти въ другое вѣдомство. Теперь правительство затрудняющееся въ пріисканіи способныхъ и хорошихъ людей, навѣрное найдетъ ихъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ гр. Панинъ вынудилъ оставить м-во юстиціи.—Это всеобщее удаленіе отъ гр. Панина людей благородно мыслящихъ и дѣйствующихъ стало въ послѣднее время слишкомъ замѣтно, такъ что самъ министръ юстиціи старался чѣмъ нибудь объяснить его въ оффиціяльныхъ своихъ отзывахъ. Объясненіе было у него подъ рукою, недостаточность окладовъ жалованья по м-ву юстиціи. Нѣтъ! Это не правда: одно это побужденіе не могло подѣйствовать на всѣхъ одинаково. Мы знаемъ многихъ, очень многихъ людей, которые терпѣли до послѣдней крайности и съ грустію покидали дѣло правосудія, которому съ любовью, съ горячимъ

усердіемъ посвящали себя, людей, которые охотно помирились бы съ недостаткомъ матеріяльныхъ средствъ жизни, лишь бы только была возможность дѣйствовать свободно и добросовѣстно на служеніе правдѣ и закону. Всѣ они бѣжали отъ гр. Панина, когда увидѣли, что нѣтъ около него никакой правды и что всякая добросовѣстная дѣятельность подъ его вліяніемъ сдѣлалась не возможною.

Чѣмъ же объяснить себѣ, что такой человѣкъ, какъ гр. Панинъ столь неспособный, столь ненавистный всѣмъ сословіямъ, человѣкъ сдѣлавшійся притчею во всей Россіи,—до сихъ поръ продолжаетъ разрушать въ ней правосудіе и, какъ слышно, пользуется монаршимъ довѣріемъ, почитается при дворѣ полезнымъ государственнымъ человѣкомъ? Чѣмъ,—если не тою безгласностью, которою онъ покрываетъ всѣ свои дѣйствія.

Систематически обманывая государя и обезпечивъ себя личными отношеніями къ тѣмъ людямъ, которые близки къ престолу,—онъ не боится правды, потому что оффиціяльная

правда въ рукахъ его. Повторимъ еще: о если бы государь могъ знать и видѣть хотя малую часть всего, что дѣлаетъ этотъ человѣкъ, облеченный его довѣріемъ и такъ безстыдно распоряжающійся правосудіемъ въ Россіи!—



Universal Printing Establishment : Zeno Swiętoslawski,
178-179, High Holborn.—London.